Десницкий Андрей Сергеевич

Письма спящему брату (сборник)

Андрей Десницкий

Письма спящему брату (сборник)

«Десницкий Андрей Сергеевич»

2013

Десницкий А. С.

Письма спящему брату (сборник) / А. С. Десницкий — «Десницкий Андрей Сергеевич», 2013

В этот сборник включены три повести современного российского писателя, публициста и ученого Андрея Десницкого. Две из них – «Записки Балабола» и «Письма спящему брату» – продолжают на свой лад «Письма Баламута» К.С. Льюиса, с той разницей, что действие перенесено в современную Россию. Бес-искуситель и та, кто помогает ангелу-хранителю, смотрят на нашу современницу… Третья повесть, «Русский Амстердам», напротив, реалистична – она рассказывает о жизни русского парня, нелегального эмигранта в Амстердаме начала 1990-х годов. Это не автобиография, но в повести описано немало историй, о которых автор узнал от их участников или которым он был очевидцем.

© Десницкий А. С., 2013
© Десницкий Андрей Сергеевич, 2013

Содержание

Записки Балабола 6
Предисловие 6
1. 7
2. 9
3. 12
4. 14
5. 16
6. 20
7. 23
8. 26
9. 28
10. 31
11 34
12 37
13 40
14 43
15 46
Письма спящему брату 47
Предисловие 47
1 48
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Десницкий Андрей Сергеевич
Письма спящему брату

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Записки Балабола

Предисловие

Подражать К.С. Льюису, а тем более продолжать его гениальные «Письма Баламута», наставления опытного беса молодому искусителю – крайне рискованное предприятие, а говоря попросту, дерзость. Можно ли что-то сказать в оправдание этого труда? Наверное, только одно. Читая и перечитывая книгу Льюиса, я то и дело говорил сам себе: «Как верно! Только если прилагать это к современной России, можно было бы добавить еще это, и это, и это…» В конце концов, у меня созрела решимость так и сделать, и после долгих сомнений, совещаний и попросту молитв я раскрыл свой ноутбук и набрал заголовок: «Записки Балабола».

И вместе с тем совершенно не обязательно читать Льюиса, чтобы понять эту книгу – в ней всё, как я надеюсь, понятно само по себе. Да и прямые ссылки на «Баламута» будут встречаться нечасто.

Книга писалась легко и трудно одновременно. С точки зрения формы легко было идти уже проторенным путем, а с точки зрения содержания – высмеивать чужие или даже свои собственные дурные стороны бывает приятно, хотя и довольно опасно. Попытаться увидеть человека глазами беса нетрудно; смотреть на него глазами ангела было бы куда важнее, но такая задача мне явно не по силам. И почему-то сопротивление материала здесь я чувствовал куда больше, чем с другими своими произведениями.

Читателя я хочу предупредить только об одном – это именно бесовский взгляд, лишенный не только любви, но и элементарной справедливости. Не принимайте его ни за истину, ни за точку зрения автора. Даже на своих коллег-бесов Балабол смотрит с безмерной вышины своего «я» – что же удивляться, что он почти не видит человеческих добродетелей? Люди в его изображении – карикатура. Но и карикатура может пойти нам впрок, если не путать ее с фотографией. Так что все совпадения с реально существующими людьми здесь случайны, все совпадения с нашими жизненными ситуациями – закономерны.

1.

Хорошо вчера посидели. Старины Баламута хватило надолго. Еще бы, такой опыт! Такая длинная история! Аромат стольких душ, тонкое послевкусие стольких грехов впитались в него за долгие века его служения на земле… Да, Баламут, в тебе было, что посмаковать. Даже отрыжка после тебя какая-то особая, не то, что после мелкого искусителя, не справившегося со своим заданием.

Как его, кстати, звали? Кажется, Гнусик? Ну, Баламут, вышел ты простаком, почище своего племянника. Кстати, уж не от Гнусика ли был тот привкус, который так удивил нас, едва мы приступили к трапезе? Такой резкий, немного неприятный… но очень интересный… Нет, я долго теперь не забуду вчерашний пир. Редко достается полакомиться бесом такого ранга, как Баламут. И чувство голода притупляет надолго. Нет, все же вредно так объедаться, ведь это голод подгоняет нас в наших неустанных поисках нового, в нашем стремлении к конечной, низшей цели.

«Принеси пищу или сам стань ей!» Точное изложение адского принципа жизни. Не то, что это слюнявое, невнятное, бормотучее «возлюби ближнего», которым пичкает двуногих безволосых наш Враг вот уже две тысячи лет. Впрочем, и того больше, если считать от Моисея, который, как говорят, впервые произнес подобную глупость, навернувшись с какой-то горы в Синайской пустыне. Верно, голову ему напекло. Куда этому жалкому бреду до нашего вечного закона: пожирай слабого! Это как раз в природе вещей, в отличие от унылой невнятицы Врага.

Голод, вечный голод, здоровый, побуждающий к действию голод – на нем зиждется ад. Но иногда, конечно, можно и даже нужно немного расслабится. Как мы вчера с Балмутом… Жаль, что он так быстро ушел.

Да, Баламут-Баламут… Ты тоже, старина, не иначе как расслабился, когда твоя переписка с племянником стала известна там, на земле. Или это Гнусик подгадил тебе напоследок, прямо перед тем, как попасть в твои объятия? Ведь его-то письма там, на земле, никому так и не стали известны. Только твоя часть переписки. Здесь, в аду, доподлинно не известно, как попала она в руки того англичанина, чье имя даже не хочется произносить. И какое-то время, даже надо сказать, довольно долгое время, наши контролирующие органы относились к этому снисходительно.

Нет, нет, я никоим образом не выступаю против наших контролирующих органов! Они мудры, бдительны и мы горячо и единодушно поддерживаем и одобряем проводимый ими курс! И если эти записки попадут им в руки, я уверен, мне не придется перед ними краснеть. Я всецело придерживаюсь генеральной линии нашего нижайшего отца! Слава аду!

Так вот, наши хитрейшие и злобнейшие органы долгое время относились к утечке информации достаточно снисходительно. Ну что, казалось бы, такого? Частная переписка двух демонов. Наставления старшего товарища юному и неопытному искусителю. Пусть они и не увенчались успехом, но провал Гнусика списали на его собственную небрежность и неисполнительность, а сам Гнусик был немедленно съеден, о чем и был составлен соответствующий акт. Нет, в провале Гнусика Баламута нечего было винить.

Но переписка! Кто мог подумать, что она разойдется такими тиражами? Будет переведена на столько языков? С какой наглостью Враг ухватился за эту утечку, чтобы позволить безволосым двуногим, состоящим из плоти и крови, насмехаться над нами, сугубо духовными существами! Одних этих нестерпимых насмешек было достаточно для суровой расправы над Баламутом.

Однако дело ими не ограничилось. Все чаще и чаще провалившиеся искусители хватались на разборах, как за последнюю соломинку, именно за эту книгу. Перед тем, как отправиться на стол, они пытались оправдаться не писаниной древних воинов Врага (кто ее теперь

читает, эту нудятину!) и не новейшими брошюрками их последователей (что они там понаплели, и сам наш отец не всегда разберет), а именно этой книгой, которая нагло и откровенно выдавала методику нашей работы. «Мой подопечный, – говорили они, – совсем уж было попался на мой крючок, но вспомнил о Баламуте, рассмеялся, и пошел себе дальше. Он понял суть наших приемов! Его предупредили! Так нечестно!»

Конечно, эти отговорки не спасали их от справедливого возмездия. Тут я еще раз должен возблагодарить наши контролирующие органы за их неумолимую справедливость. Слава нашему отцу, в аду каждый получает по своим заслугам! Нам чужда бесхребетность и мягкотелость Врага, который ищет любой повод, чтобы только оправдать Своих последователей, а иной раз сам создает такой повод. Но наша неуклонная справедливость выше жалости!

И когда наш методический отдел подсчитал глобальный ущерб от публикации той отвратительной книжонки под названием «Письма Баламута», стала очевидной неизбежность большого банкета. Баламут, разумеется, пытался привести в действие рычаги влияния, но дело зашло слишком далеко. К тому же, признаться, перспектива участия в банкете привлекала всех его коллег. И вот, наконец, тост был поднят над самим Баламутом… Эх, хорошо посидели!

А в конце банкета начальник методического отдела, ее непотребство госпожа Подзуда поздравила меня с новым назначением. Признаться, оно не было полной неожиданностью. Слишком разболтались наши сотрудники в одном из важнейших управлений, которое по старинке называется у нас «б. СССР». По-видимому, сотрудники так расстарались привить своим подопечным пристрастие к нелепым аббревиатурам и несуразным названиям, что в конце концов привили его и себе. Итак, я, выдающийся специалист в области методики искушений, звезда преисподней Балабол, отправлен в это управление в качестве методинструктора. Да, засиделся я на кабинетной должности! Чертовски хочется поработать, поруководить на местах, поучить подрастающее поколение искусителей. Главное, не брать на себя ответственности за конкретные души. Тогда все удачи могут быть приписаны изяществу моих методик, а все провалы – их неумелому применению.

Завтра отправляюсь на новое место работы. Полагаю, что эти записи помогут мне сохранить на будущее ценную информацию и позволят обкатать некоторые идеи, прежде, чем они будут предложены вниманию моих новых подчиненных. Заодно попрактикуюсь и в русском языке. Язык, именно язык – мой главный рабочий инструмент! Прошли те времена, когда можно было так многого добиться простыми действиями. Теперь эти действия нужно еще и назвать соответственным образом… Но об этом потом, на работе.

Ведь сегодня, слава аду, мне предоставлен отгул для переваривания нашего бывшего коллеги Баламута. А хорошо все-таки посидели, что ни говори.

2.

Сегодня… Кстати, я долго думал, как помечать эти записки. Разумеется, земная хронология в аду не действует, да и не пристало нам отсчитывать года от того нелепого случая, когда Враг пожелал притвориться человеком (признаться, до сих пор не понимаю, как Он мог решиться на такую глупость). К тому же, как оказалось, верную дату Его человеческого рождения (фу, как некрасиво!) эти никчемные людишки так и не смогли установить. А может быть, и вовсе никогда Он не становился двуногим… Впрочем, нет, это версия для внешнего использования, самим нам приходится принимать этот нелепый факт как свершившийся.

Говорят, там, в стане Врага, над временем проводятся опасные опыты. Якобы, стирается граница между настоящим и вечностью, происшедшее однажды происходит всегда, а бывшее вдруг становится как будто и не бывшим. Чего еще ждать от Врага, Который то и дело нарушает законы природы – законы, которые Он сам, по Его хвастливому утверждению, и установил? Нечестная игра, да и только.

Но мы прочно укоренены во времени. Мы сами строим свою вечность, и я твердо уверен, что вечность в конце концов будет нашей. Непозволительно, чтобы вечность сама, без должного контроля, прорывалась в настоящее. Совершенно недопустимо разрывать причинно-следственные связи, нарушать главный для нас закон возмездия или объявлять бывшее небывшим. Хронология у нас своя, принципиально отличная от земной, и соблюдается она строго. Но эти записи я буду просто нумеровать – русский язык, на котором я решился вести их, пока что не всегда может адекватно передать реалии ада. Вот, кстати, еще одно поле для работы. Как раз по моему профилю.

Итак, сегодня я знакомился с новыми подопечными (впрочем, сам я называл их коллегами, пусть пока думают, что они мне ровня… Мне, величайшему специалисту в области фундаментального лжеведения и прикладного словоблудия!). Оказалось, что все-таки «б. СССР» переименовали в «СНГ». Прибалтийские искусители подняли вой под лозунгом «Мы маленький, но независимый отдел», их пришлось присоединить к европейскому управлению. Удивительно, как много иной раз бесы набираются повадок от своих подопечных!

Эсенгешное – или говорить по старинке, советское? – управление, конечно, весьма интересно и по-своему перспективно, но в последнее время персонал наш подразболтался. В свое время именно в этом регионе были совершены поистине революционные прорывы, здесь впервые было применено современное оружие массового совращения. Это здесь были созданы особые, я бы сказал тепличные условия: первая в мире страна победившего атеизма (французский опыт был слишком кратким, чтобы говорить о нем всерьез), невиданное со времен седой древности идолопоклонство и, главное, атмосфера липкого страха и подлости, по которой наш брат скользил как по маслу, ароматному, вкусному, пьянящему маслу человеческого ужаса. Это отсюда поставляли к адовым столам полные бочки отборнейшего предательства – особенно запомнился мне урожай тех лет, которые там, на земле, называли тридцатыми!

Но не обошлось и без головокружения от успехов. Наши сотрудники настолько привыкли к атмосфере всеобщего страха и доносительства, что моментально пасовали не только перед случаями явного мученичества, но и перед простым проявлением порядочности. И, что поразительно, какая-нибудь миска лагерной баланды, которой отъявленный стукач и мерзавец чуть ли не в последний день своей жизни поделился с другим доходягой, вдруг перевешивала годы его упорного продвижения к дому отца нашего и вырывала его из наших пылких объятий буквально на пороге преисподней! Чудовищная несправедливость, которую еще тогда надо было отметить и заклеймить, как нечестную игру Врага. Увлечение количественными показателями, не иначе, помешало нам это сделать.

А эти христиане? Да, девять из десяти, если не девяносто девять из ста легко и просто отказывались от своей веры, позволяли нам всласть глумиться над святынями или даже сами принимали в том активное участие. В те времена сводки, приходившие из этого управления, гремели победными фанфарами. Но через некоторое время тревогу подняли сотрудники религиозного отдела: они утверждали, что едва они вплотную подошли к превращению российской церкви в государственное ведомство, как вдруг поспешное и топорное введение атеизма сорвало их тщательно продуманную операцию. Да, в краткосрочной перспективе, соглашались они, атеизм играет нам на руку, и чем грубее и примитивнее этот атеизм, тем ароматнее наша награда – настойка кощунства и богохульства (как расточительно мы расходовали ее в те годы!). Но в дальней перспективе, отмечали они, государственный атеизм ставил под угрозу стратегический план нижайшего командования по окончательному обмирщению Церкви. И ссылались при этом на историю Древнего Рима.

И в самом деле, тщательный анализ показал, что большинство из отрекшихся от Врага на самом деле отреклись от глупой карикатуры, подсунутой им нашим религиозным отделом. И некоторые из них, страшно сказать, впоследствии… А уж те, кто не отреклись!

Вспоминается мне один эпизод. В те веселые годы советское управление пригласило нас, методистов, на показательное выступление младшего бесовского состава. Оно проходило на Колыме, в лагере особого режима… Да, давно нас так никто не принимал – угощений было хоть отбавляй! Чуть ли не каждый обитатель этого место прямо-таки сочился или страхом, или ненавистью, или коктейлем из одного и другого. Да, чуть ли не каждый… чуть ли… Голод, унижения, побои и атмосфера всеобщего ужаса сами приносили обильную жатву, и мне даже показалось, что искусителям, собственно говоря, нечего делать в этом лагере. Люди сами делали всю их работу.

Мы посетили карцер, насладились сценой неправедного суда, полюбовались убийствами беззащитных. Мы чувствовали себя в полном смысле слова как дома. Под конец нам решили продемонстрировать, так сказать, повседневную работу. Плюгавенький бесенок мановением хвостика спровоцировал драку в бараке – да такую, какой в нормальных условиях мог бы погордиться даже я! Два уголовника стали избивать молоденького паренька, который не хотел отдавать им какую-то жалкую фуфайку, наивно называя ее своей. Мы настолько расслабились, что даже не обратили внимания на всполохи света, возникавшие в густой, осязаемой тьме барака. Видимо, кто-то здесь еще не разучился молиться. Как вдруг…

Свет вспыхнул ярким, огненным столбом – и бесенок отлетел в сторону. Какой-то старик – или он только казался стариком? – неуклюже спрыгнул с нар и схватил за руку одного из уголовников. «Прекратите, сказал он, – прекратите ради…» Ну, не могу же я повторить, ради Кого он призывал их прекратить драку! Кажется, и в тот момент не все из наших осознали, с каким оружием им приходится иметь дело. Они ждали, что уголовники легко вернут ситуацию под их контроль.

Да, потом, кое-кого, конечно, немного порезали… но это уже не имело никакого значения. Точнее, имело, но не в нашу пользу. А тогда мы увидели еще одну вспышка света, и еще, и еще… Барак озарился этим страшным сиянием смелости и доброты, мне стало трудно дышать, и только сознание профессионального долга заставило меня остаться на посту. Не то, что эта мелкота, которая бежала при первых трудностях. Я постарался выправить ситуацию. Я привлек внимание надзирателей, я подсказал этим двоим, какой может быть их смерть… Но они, они, эти полумертвые комки исстрадавшейся плоти – преодолели страх! Они даже преодолели свою ненависть, здоровую, бодрую ненависть к врагу, и в карцере старик стал молиться за обид…

Да, не стоит увлекаться такими воспоминаниями. Особенно когда я еще не окончательно переварил моего нежнейшего и изысканнейшего друга Баламута. Одна только несвоевременная мысль заставила меня прервать записи. Потребовалось время, чтобы придти в себя,

вернуть себе привычный облик и способность мыслить трезво. Все же в отношении некоторых приемов Врага мы пока еще не располагаем эффективными противолекарствиями, и это крайне досадно. Нет, не будем думать об этих… Не будем, я сказал!!!

Вернемся лучше к последнему отчетному периоду, начиная с девяностых годов двадцатого века. Тогда, конечно, крупного прорыва в этом регионе добился комитет лихоимства и корыстолюбия, именуемый на современный лад экономическим. Но и тут все оказалось не так просто. Местные деятели вновь понадеялись, что можно будет ограничиться макроуровнем: создать подходящие условия в масштабах всего региона, а потом тихонько пожинать свою жатву. Нет, они, конечно, многого добились, и урожай был отменный, но до масштаба тридцатых им было ой как далеко. Созданная ими система «мори голодного до смерти, корми сытого до тошноты» была хороша, что говорить, но и она начала потихоньку сбоить. Сытые, конечно, не отказывались от угощения, но и они все чаще стали испытывать некоторую неловкость, а то и вовсе кидать кусок голодным…

Так что без индивидуальной работы тут никак не обойтись, дорогие товарищи. Тут вам не российский автопром, тут не годятся устаревшие технологии и халтурная работа! Подход к людям нужно иметь, смотреть на вещи шире, быть гибче… Так я им и сказал. Все-то придется им объяснять, всему-то учить.

Что же, пора проводить методсовещания и выездные семинары по отраслевым секторам. Начну, пожалуй, с религиозного.

А все-таки не идет из головы тот старик. Проглядели мы великого воина Врага. Он не прожил тогда и полгода на земле, никто там теперь не знает его имени, но все-таки, как мы его проглядели…

3.

Сегодня посетил это их эсенгешное болото. Ну, разумеется, накрытый стол, напыщенные речи… Винцо у них подавали, правда, так себе – нашу любимую настойку на фарисеях. Конечно, нет такого роскошного букета, как у европейских сортов, но зато крепка, ничего не скажешь… покрепче наших. В общем, голод утолить никогда не мешает. Но если это у них праздничные блюда, то да… Да, многому еще предстоит их научить! После доброго глотка этого их пойла, я прямо так им и сказал.

И тут же предложил совершить прогулку, так сказать, по территории. Зачем далеко ходить, сказал я, давайте заглянем хотя бы в вагон московского метро… Скажете, там нет ничего для нас интересного? О нет, из всего надо учиться извлекать пользу.

Мы перенеслись в вагон столичной подземки, и я начал инструктировать своих подопечных, как много могут нам дать повседневные бытовые ситуации. Даже не обязательно провоцировать ссоры, драки, карманные кражи… Вот стоит старушка, и никто ей не уступает место. Мелочь? Да, мелочь, но пусть она станет началом чего-то большего. Внушите бабушке, как распустилась современная молодежь, сплошные секс да наркотики, ничего святого. И виноват в этом кто угодно, только не она сама, всю жизнь предпочитавшая воспевать великие стройки коммунизма, а не воспитывать собственных детей.

А вот сидит напротив нее молодая дама и читает… ого! Как же вы говорите, что ничего святого? Как раз о божественном и читает. Да так читает, что ничего вокруг себя не замечает, разве что толкнет ее случайно эта старушка, прошипит негодующе «Госссподи!» (приятно все же, когда с такой злобой упоминают имя Врага), и дамочка пусть с негодованием отвернется от богохульницы, пусть даже лучше промолчит, не уронит своего тщательно лелеемого достоинства, отпустит про себя пару анафем в адрес бабки, но место уступить и не подумает.

А кто это там, справа? А, бизнесмен средней руки, машина в ремонте… Замечательно! Вот-вот, бабушка, кто жирует на твои сбережения советской поры. Вот-вот, дамочка, кто распродает Русь Святую оптом и в розницу, кто готовит пришествие мирового правительства, как и предсказано. А ты, бизнесмен, тоже вокруг оглянись. На бабку эту стервозную, на девицу полоумную с книжкой дурацкой в руках. Видишь, среди какого дикого народа жить тебе приходится? Нет, никогда и ничего в этой стране не будет, так что рви отсюда когти, а не можешь – так по крайней мере наслаждайся сегодняшним днем…

А что это там за мамаша с маленьким шалуном? Замечательная мамаша. Сидит и трясется, не бомба ли вон у того дядьки кавказского вида в его большом бауле. И как это только кавказцев пускают в наш город? Куда милиция смотрит? Пересажать их всех! Все они террористы и убийцы, все торгуют наркотиками! Подвинься ко мне, мой маленький, мужчина, вы что, не видите, вы ребенку мешаете, и ничего он вас не пачкает своими ботинками, понаехали мне тут! Вот какая славная мамочка, она и не догадывается, что сама работает на террористов, и даже прямиком на нас, распространяя вокруг себя запах страха, подозрительности и злобы.

А ты, гордый гость с Кавказа, видишь, как к тебе тут относятся? Да разве может нормальная женщина говорить такое мужчине? Она вообще вставать должна при твоем появлении! Все они тут девицы легкого поведения, так что правильно ты позавчера с той обошелся, они только того и заслуживают… Тут ведь деньги на дороге валяются, только подбирай, не ценят они их, и себя не уважают. Так что давай, греби рубли, срывай цветы удовольствия, вера твоя далеко, она дома, здесь тебя никто не видит.

О, какая нищенка живописная по вагону пошла! «Извините граждане, что мы к вам обращаемся…» О-па, что это у нее из кармана выпало? Комок смятых купюр, тыщ этак на… Ну вот и отлично! Это же на операцию… Ага, знаем мы эти операции! Вот и объединим всех

пассажиров в ненависти к этим шаромыжникам, все они за легкими деньгами гоняются, даже старики и инвалиды, все они одна мафия, гнать таких в шею!

А, дамочка наша с книжечкой божественной подала-таки… Ну ничего, зато как подала! Скривившись от презрения, бросила рублик в ладонь, так, чтобы не коснуться случайно, ведь заразная наверняка. Подала, потому что она праведница, не то, что эти грешники неприкаянные, она и явной пропойце подаст, чтобы на том свете зачлось. Копеечками от нас отделаться думает – вот и славненько, вот и пусть себе в это верит. А бабка пусть на нее пошипит немножко, у бабки-то пенсия кот наплакал, а она побираться не ходит, она гордая.

Видите, какой веселый вагон метро получается? А вы говорите. А что это за рекламка висит на стенках? Обои рекламируют? А почему девочка голенькая нарисована? Не просто так, дорогие мои, и не для подростковых фантазий только предназначено. Пусть народ привыкает: красивое женское тело – товар, как и обои, только раскупается лучше. А выводы правильные народ сам сделает.

И вот еще чудненькое объявленьице – новый блокбастер о борьбе сил света с силами тьмы. Правильно, правильно, лучший способ бороться с тьмой – на широком экране, долби саррaунд, попкорн в руках, добро всегда побеждает. Вы не видели этот блокбастер? Я тоже еще нет. Но, судя по всему, силы добра и силы зла там различаются, как черные и белые фигуры на шахматной доске – чисто условно. Цель одна, правила игры одни, так что разницы на самом деле никакой. Добро должно стать таким же, как и зло, чтобы его победить. А еще лучше – должно быть тщательно охраняемое равновесие добра и зла. Светлые смотрят, чтобы темные не пакостили сверх отведенных квот, темные – чтобы светлые не слишком благодетельствовали. Все при деле, все на своих местах, а главное – добро договаривается со злом. Публично, на экранах, чтобы все видели. Эх, нам бы и в самом деле такое не помешало… но ботве человеческой скормим и это. А потом, когда окажутся у нас, пусть попробуют с нами договориться.

Видите, как много может дать простая толпа в вагоне метро? А вы говорите… Только… Что это было? Опять эти вспышки света? Кто-то улыбнулся кому-то незнакомому? Кто-то сказал доброе слово? Кто-то начал тихо и просто повторять про себя молитву? Да, мы слишком отвлеклись на плакаты, в нашем деле нельзя расслабляться. И запах, что это за запах…

Ну что же, коллеги, я думаю, я показал вам достаточно. Не пора ли вернуться к нашему пиршеству? Да нет, как вы могли подумать, я не бегу с поля боя, да за такие слова я тебе ща!

Только потом я вспомнил, что это был за запах. Так пах тот старик, в бараке. Но он-то здесь причем? Он давно сгнил в общей могиле, его имени никто не знает на земле… Странно.

4.

Ну а теперь, пожалуй, можно разобраться и с этим их хваленым новшеством – теологической комиссией. Не такое уж, впрочем, это и новшество, чтобы так с ним носиться – подобные комиссии были у нас в ходу первые несколько столетий (по земной хронологии) после того Происшествия с Крестом. Вечно это советское управление изобретает велосипед!

Признаться, это возмутительное Происшествие и в самом деле заставило наших разжиревших теоретиков побегать. Как водится, тут были нужны два объяснения – одна версия для руководства, а другая для внешнего мира, излагающая полуправду-полуложь в наиболее выгодном для нас свете. Младший бесовский состав, к которому я тогда принадлежал, должен был, как обычно, получить сплав одного и другого, а пропорции зависели от степени допуска. Ну, разумеется, внешняя версия постоянно модифицируется в соответствии с духом времени, чтобы человек, оттолкнув вчерашнюю ложь, немедленно оказался в объятиях лжи сегодняшней, а то бы и встал в ряды созидателей лжи завтрашней, еще более изощренной и действенной.

Так вот, в те времена я был всего лишь подающим надежды молодым искусителем. Моя несомненная гениальность еще не была распознана нашим прозорливейшим начальством (признаться, оно и до сих пор, хм…), так что на доступ к внутренней версии я рассчитывать никак не мог. Помню, сколько бессонных ночей (ну, впрочем, мы и так никогда не спим) провел я в темницах у изголовья приговоренных христиан или на загородных виллах, где между пятой и шестой переменами блюд решалась их судьба. Я пытался понять, что в поднятых снизу инструкциях отражало подлинную точку зрения низов, а что было частью пропагандистской кампании.

Разумеется, версия самих христиан с этим бредом про любовь, самопожертвование и искупление грехов отметалась сразу. Но что, что на самом деле?

Только несколько веков спустя я узнал, что внутренняя версия укладывается всего в одно слово: «неизвестно». Нашим теоретикам так и не удалось пока найти подходящее объяснение тому, что произошло на Кресте – объяснение разумное и не умаляющее достоинства духовных существ. Разумеется, они все ближе к разгадке, и когда она будет найдена, наша конечная победа будет уже не за горами.

А пока что двуногим надо было срочно что-то скармливать. Тут-то и пришлось создать особый теологический отдел при ставке нижайшего командования. И они поработали на славу, выпустив в свет множество версий для внешнего употребления! Нет ничего страшного, чтобы наши подопечные приучались говорить о Враге как можно чаще. Главное, чтобы при этом они с Ним не встретились. А так – пожалуйста. Ведь многие утонченные блюда, вроде злобных святош в собственном соку, и не приготовишь без подливы из пустой болтовни о Враге!

В одной версии Враг просто притворялся человеком, дурачил Своих апостолов, словно какая-нибудь Афина – Одиссея, а потом, претерпев мнимую смерть, удалялся в свои холодные заоблачные выси. В другой – ненавистное земное имя Врага объявлялось одним из тысяч и тысяч имен каких-то сущностей и личностей, в разветвленной иерархии которых мой дедушка ногу сломит. Все эти построения были настолько занимательны и интересны, они настолько соответствовали человеческим ожиданиям, что можно лишь удивляться, как недолго удавалось им продержаться. В конечном счете восторжествовал этот христианский бред про любовь и жертву. Даже мелкие ехидные вопросы (если Враг Сам принес Себя в жертву, то кому же, как не нашему нижайшему отцу?) едва ли могли вызвать что-то большее, чем кривые ухмылки. От дальнейших тонкостей *нашей* теологии двуногие просто отмахивались, тупые и неблагодарные существа!

Нет, конечно, определенных успехов теологической комиссии удалось добиться, особенно после того, как к ее работе был привлечен такой ценный кадр, как я. Спор вспыхивал за

спором, и если нам редко удавалось вызвать такой настоящий, сочный раскол (в западноевропейском управлении нам пришлось ждать до самой Реформации), то, по крайней мере, споры годились в качестве дымовой завесы для ненависти и братоубийства. Например, мы тогда так и не смогли отучить христиан хранить у себя эти мерзкие изображения Врага и его великих воинов, но сколько энергии пришлось им потратить на истребление и оплевывание друг друга!

Впрочем, затем теологический отдел как-то расслабился. Наверное, потому, что я перешел на другую работу… Нечасто нашим врагословам удавалось выпустить в свет какую-нибудь изящную разработку. Зато, скажем прямо, удалось заставить работать на нас саму христианскую теологию, точнее – набор словесных формулировок, за которые двуногие готовы были мучить и истреблять друг друга. Приятно вдыхать запах человека, живьем зажаренного на костре, что ни говори. Но такой пикничок превращается в подлинное пиршество, если ревностного последователя Врага жгут такие же ревностные (по крайней мере, с виду) его почитатели, причем жгут, думая угодить Врагу! Любуясь таким шашлычком, невольно видишь Его вновь пригвожденным и осмеянным… Какое наслаждение! Главное, не вспоминать о том, что случилось потом. Не вспоминать!

Впрочем, я увлекся. Не стоит расписывать, как от теологического отдела отпочковался атеистический, и как впоследствии он был разделен на оккультный и пофигистский. Сначала людям внушали, что Врага изобрели жадные попы и злобные эксплуататоры, а когда вера в эту нелепицу стала уделом лишь самых примитивных двуногих, были задействованы две основных стратегии. Взыскующих духовности мы заводили в дикие джунгли шаманизма и новоизобретенных псевдовосточных учений (тут, кстати, пригодились и старые разработки теологического отдела). А тупой массе мы старательно внушали, что вопрос о существовании и природе Врага не идет ни в какое сравнение с вопросом, какое пиво пить и какой телесериал смотреть сегодня вечером.

Что, ну что нового могли они изобрести в этом своем управлении по СНГ? Не представляю. Думаю, обычное фанфаронство: мол, в области искушений они опять впереди планеты всей, и у них свой, особый путь… Нет, голубчики, куда же вам без мирового опыта, наработанного вашими западными коллегами!

Придется и это им объяснить. Завтра. Напомнить для начала статистику крещений и восстановленных храмов… Впрочем… Нет, такая цифирь хороша, когда нужно припугнуть младший бесовский состав. На серьезном собрании меня могут поднять на смех.

Ведь даже младшие бесенята отлично понимают, что сама по себе цифирь мертва. Очень и очень многие верные последователи нашего нижайшего отца находят особый шик в том, чтобы заглянуть иной раз в церковь и заручится благословением свыше. Да и у нас во все времена считалось высшим классом сопровождать клиента от колыбели до могилы под трезвон колоколов и напыщенные речи о высоком. Нередко добыча срывалась, но каковы на вкус святоши, хорошенько промариновавшиеся в собственной духовности без доступа свежего воздуха! Ммм… Инквизиторы, кстати, тоже бывали хороши, но все же несколько островаты, постоянно питаться такой пищей невозможно. Да и где их теперь возьмешь?

Надо будет им завтра об этом напомнить.

5.

Итак, я, в соответствии с заранее принятым решением, почтил своим присутствием религиозный отдел эсенгешного управления. К моему приходу, разумеется, подготовились заранее. Что ж, к показухе нам не привыкать. Демонстрировали всякие сатанистские обряды – скукотища смертная. Детишки играются в чертиков. Приятная щекотка, не более. Им еще расти и расти до сознательного, деятельного и пламенного поклонения нашему нижайшему отцу, а пока пусть лепят куличики в своей песочнице. Я даже не стал досматривать.

Потом были показательные выступления духов, работающих в связке со всевозможными медиумами и колдунами. Это уже было посерьезнее, хотя, конечно, халтурно работают товарищи, без огонька. Вот и принимают их то и дело за банальные галлюцинации, и поделом. Да ведь и так бывало, что искуситель, слишком увлекшись всеми этими побрякушками, на мгновение приоткрывал свое истинное лицо и показывался подопечному… Так и начался путь нескольких великих воинов Врага. Нет, негоже этим двуногим слишком уж приближаться к нам до срока, не нужно им заглядывать в духовный мир. Будет время – мы им покажемся, а пока что пусть лучше довольствуются материей.

Ну, а потом они-таки представили мне свое любимое детище – теологическую комиссию. Сначала выступил ее секретарь, тщедушный бес по имени Буквогрыз. Подозреваю, что вся затея возникла только потому, что он увиливает от конкретной искусительной работы. Не всем по плечу быть руководящей и направляющей силой, между прочим! В занудной речи Буквогрыз обрисовал то, что у них тут называется концепцией.

– В России, – начал он, – стандартные западные методы не всегда работают. Сплав мистицизма и пофигизма, предложенный уважаемыми западными коллегами (тут он отвесил в мою сторону прямо-таки издевательский поклон) не охватывают всей российской аудитории, а главное, они мало подходят для работы среди наших главных подопечных – христиан. Мелочные грешники, нехотя бредущие в ад по трясине глупой лжи и никчемного воровства – ни Врагу свечка, ни нам кочерга, с ними и возиться не интересно. Они сами делают за нас нашу работу. Но вот ревностные христиане…

Да, тут он прав! Всякий, кто хоть раз лакомился фанатиком-кровопийцей, вовек не забудет манящего вкуса! Только в наши дни они в основном водятся на Ближнем Востоке, а тамошние бесы слишком неохотно делятся лакомствами с западными коллегами.

– Мы, – продолжил Буквогрыз, – хотим найти подходящую замену фанатикам былых времен. Я называю этот вид «виртуальными инквизиторами». Да, наши дни невозможны Варфоломеевские ночи, но зато мысли и слова распространяются со скоростью света, а для нас такая среда питательна, как бульон для бактерий. Тут даже не нужно изобретать новых религий (ну да, как же, подумал я, это вам просто не под силу), тут достаточно правильно подать старые. Как известно, знание – сила, а полузнание – страшная сила.

Мы заставим их отстаивать чистоту и правильность своей веры – так, чтобы было как можно больше чистоты и правильности, и как можно меньше самой веры, а главное – ни капли любви. Пусть они не ищут защиты у Врага, но защищают Самого Врага от конкурентов, яростно и слепо отстаивая свое собственное понимание Врага и Его Церкви. С каждой словесной баталией, неважно, выигранной или проигранной, их человеческое представление о Враге будет все площе и примитивнее, оно будет все надежнее вытеснять из их душ подлинный образ Врага.

Пусть они настаивают на безукоризненном исполнении избранных правил, путая средство с целью, чтобы все силы и время у них уходили на строительство стены, отгораживающей их от внешнего мира, чтобы некогда было им взглянуть на свой внутренний мир. Пусть они жадно впиваются в несколько строк библейского текста и забывают не только об остальных страницах Книги Врага, но и о Том, к Кому могла бы привести их эта Книга.

Пусть, например, они возьмут на вооружение слова Врага о том, что спасение (так они называют попытку ускользнуть от оплаты справедливого счета) человек приобретает только через веру. Тогда они легко смогут убедить себя, что вера в данном случае значит «наше собственное вероисповедание, как оно изложено в книгах и одобрено соответствующими инстанциями». Теперь вместо живой веры им нужна мертвая догматическая схема, и братоубийственная война за нее становится священным долгом. Кто сказал, что такое было возможно лишь в средневековье? Если они и не возьмут в руки меч, то только по своей хилости, да еще из уважения к уголовному кодексу. А в мыслях и чувствах, не скованных никакими внешними рамками, и мечи засверкают, и костры заполыхают. Собственно, чего нам еще тогда желать?

Или пусть они, наоборот, твердо запомнят, что «Враг есть любовь» и заставят себя и других забыть, что это лишь одно из имен Врага. Тогда они уговорят себя, а может быть, и других, что «Враг есть любовь и только любовь», и что Он никогда не называет себя Царем или Судией, а если и называл в прошлом, то очень давно и в переносном смысле. А раз так, то нет заповедей и не будет суда, а есть лишь переливчатое море собственных эмоций, которое так легко отождествить с любовью. И если кто-то им возразит, пусть они ответят со всей принципиальностью и прямотой, что только их прочтение Книги Врага истинно: «Бог есть любовь, а если вы с этим не согласны, то вы фарисеи, законники и просто сволочи! Я сказал!»

Главное что? Главное, пусть не позволяют ни себе, ни другим с детской открытостью выходить навстречу Врагу. Слишком велики шансы, что он примет их наивность за праведность, как уже случилось однажды с одним арамейским бродягой и с тех пор повторяется без конца. Возмутительная неразборчивость со стороны Врага! И пусть они непрестанно лелеют чувство собственного превосходства и исключительности, то самое здоровое чувство, которое побудило в свое время нашего нижайшего отца восстать против унизительного подчинения Врагу. Ничего, что при этом они будут поминутно поминать Врага, ведь Он будет для них только средством и объектом, а не целью.

У христиан заведена отвратительная мода говорить о себе: «я великий грешник». На самом деле сама человеческая природа восстает против таких слов, и мы легко можем помочь нашим подопечным избавиться от дискомфорта. Достаточно перевести разговор с «я» на «мы»: я-то сам, конечно, грешник, но зато мы – единственно правильная церковь, мы – народ-врагоносец, мы – жертвы всемирного заговора. И вот уже оправданы любые гадости и глупости по отношению к тем, кто «не мы», ведь это же не для себя, смиренного и грешного, а для святых и несчастных «нас».

– Здесь не нужно, – отметил Буквогрыз, – стремиться заполучить высокие кафедры или талантливых проповедников. Пресса, а в особенности интернет сделают так, что слышны будут самые громкие голоса, а вовсе не самые убедительные.

На этом Буквогрыз закончил свою напыщенную речь. Неплохо, неплохо, хотя несколько банально, надо признаться. Остается только возглавить процесс. Жаль, что такое не пришло в голову мне самому! А впрочем, если посудить трезво, так ничего нового. Больше дела, меньше болтовни!

В ответной речи я расставил некоторые акценты и подчеркнул важность определенных аспектов данной проблемы с точки зрения общей динамики процесса. Главное, сказал я, никогда не позволять называть вещи своими именами, пусть мелочная придирчивость и занудство станут принципиальностью, грубое невежество – апостольской простотой, а страстная привычка к командирской позе – заботой о чистоте Церкви. Тогда есть будущее у вашей комиссии, сказал я. Кроме того, отметил я, христиан в мире не так уж и много – пусть мы традиционно уделяем им особое внимание, но не скажется ли это на нашей работе с другими людьми?

Буквогрыз ответил, что не питает иллюзий, будто ему удастся втянуть эту компанию в новые религиозные войны. Но можно отравить христианскую проповедь, чтобы перед остальным миром они выглядели банкой с пауками, а их учение – набором схоластических формул

и придирчивых правил, к которым разумный человек просто не может относиться всерьез. Да и христиане настолько втянутся во взаимную грызню, что им будет уже не до Врага.

Теория, конечно, дело хорошее, но все же я решил положить конец этой болтовне и попросил привести примеры конкретной работы по прочистке христианских мозгов. Наши подопечные могут позволить себе мыслить таким категориями, как нация, конфессия, государство, но мы-то не можем забывать, что нацией сыт не будешь – питаемся мы конкретными человеческими душами, и только они нас в конечном счете и интересуют. Без них – голод, реальный, беспощадный, неутолимый голод ада. Если мы приобретем в свое полное распоряжение весь мир, а ни одной души не получим – что нам в том пользы? Да, именно так я и сказал, показав им, что и изречения Врага можно присваивать и использовать в идеологической борьбе. Так что извольте подниматься из теоретических глубин на грешную землю, сказал я, и показать, с кем и как работаете.

О, как они тут забегали! Конечно, примеры были у них заготовлены. Как всегда, показуха – выбирают образцовые случаи и выдают их за массовое производство. Сначала мне представили молоденькую сатанистку, которая якобы рьяно поклонялась нашему нижайшему отцу и активно втягивала в этот культ своих подружек и ухажеров. Знаем мы этот неофитский пыл, слишком хорошо знаем по опыту работы с поклонниками Врага. Когда придет реальный выбор, еще неизвестно, решится ли увешанная побрякушками цаца бросить на наш алтарь самое дорогое, переступить через друга, пролить невинную кровь… Внешнее, все это внешнее. Легкая закуска, не более.

Вторым номером шла террористка, напичканная исламскими лозунгами в нашей интерпретации. Комиссия ставила себе в заслугу, что из всей исламской теологии она твердо усвоила лишь слово «джихад» и понимала его как убийство неверных в сочетании с самоубийством. Тезис очень хорош, что и говорить, но каково оно будет, когда дело дойдет до практики? Не струсит ли, не разжалобиться ли при виде сопливого младенчика? А если и не струсит… Что и говорить, к нашему столу она подаст себя сама, горяченькой и нашинкованной. Но жизни остальных людей, которых она унесет с собой, особого интереса для нас не представляют. Как говаривал старина Баламут, мы и так знали, что рано или поздно они умрут, для нас важно лишь – в каком состоянии застигнет их смерть. К тому же подобные взрывы слишком сильно встряхивают наших подопечных, слишком широко разносят губительные для нашего дела семена сострадания и памяти о собственном смертном часе. Нет, конечно, без урожая тут тоже не обходится – сгодится нам и липкий страх за свою ничтожную шкурку, и горячая ненависть к этим, которые «понаехали тут», и которых нужно всех до одного если не перестрелять, то по крайней мере депортировать в наручниках… Но даже и не знаешь, что тут перевесит. Так что в конечном счете такие дамочки нам – не помощники.

И, в конце концов, так ли уж велика тут заслуга теологической комиссии? Таких дамочек скорее надо записать на счет военного искусуправления, которое обучает своих подопечных бессмысленной жестокости как раз в родных краях террористок.

Третьим шел очередной чудак, изобретатель мировой религии, которая должна слить воедино (слить в канализацию, добавил бы я) все ныне существующие. Эти болваны надеялись, что пестуя его, смогут получить если не новую религию, то по крайней мере парочку хорошеньких сект, со всеми вытекающими отсюда прелестями. Конечно, не раз бывало такое в истории, но этот хлюпик… Самое большее, на что он способен – забивать головы манной кашей, которая образовалась в его собственной голове от недостатка вкуса, избытка фантазий и неразборчивого чтения «духовной литературы».

И только четвертый чего-то стоил. Это был талантливый проповедник, молодой священник. Буквально каждая его проповедь была посвящена по сути своей не Врагу, а нам, причем нам он приписывал такие подвиги, о которых можно только мечтать. Чуть ли не каждое событие в окружающем мире он, не задумываясь, представлял своим прихожанам как еще один

шаг к нашей конечной победе, и довольно успешно вытеснял в их сердцах смутную симпатию ко Врагу явственным ужасом перед нами. Ну, такого учить – только портить. Тут комиссии делать нечего.

Так что я приказал им обратить внимание на рядовую христианскую душу в нехристианском окружении и как раз на ней продемонстрировать свои хваленые идеи. Тут, разумеется, я оказывался в выигрышном положении: кота в мешке не подсунут, я смогу продемонстрировать свое мастерство, а если нас ждет провал… Ну что же, значит, приставленный к ней искуситель не справился со своей задачей, только и всего.

И тут я как раз вспомнил про ту дамочку с книжкой из метро. А почему бы нам вот хотя бы с ней не поработать? В самом деле, отличная идея! Назавтра ее искусительнице велено представить комиссии положение дел. Кстати, такая молоденькая чертовка с изящной линией копыт… Посмотрим, посмотрим…

6.

Ах, как волновалась наша чертовочка при виде столь низкого начальства! Ну конечно, прежде ей, вероятно, не доверяли ничего ниже бытового пьянства и усушки-утруски, а тут такое дело. Впрочем, обстановку она доложила четко.

– Моя подопечная молода, работает она в офисе торговой фирмы – начала чертовка, – замужем, но без детей. Пару лет назад она крестилась в православной Церкви (по гримасе чертовки я увидел, что положенное в таких случаях отрицательное стимулирование ее не миновало) и решила жить духовной жизнью. Понакупила разных брошюрок – ну, тут я помогла ей сделать выбор, – понавесила бумажных иконок, и пошло-поехало, – захихикала чертовка – Мне удалось добиться того, что христианство ее ограничивается церковными службами (ну, тут приходится немного потерпеть), углом с иконами да книжными полками.

С мужем у нее отношения портятся с каждым днем – он для нее становится досадной помехой в духовной жизни. Взаимопонимания у них нет уже давно. Она яростно попыталась обратить его в свою веру, а когда не удалось, то заняла позу мученицы. Соответственно, ему была отведена роль льва, который тиранит ее и хочет смотреть футбол, а то и вовсе берется пылесосить основательно загаженный пол, как раз когда ей пора читать акафист. Да и друзей и подруг она распугала почти всех. Правда, парочку ей удалось затащить в церковь, и уж не знаю, как там у них пошло, но остальные надежно убедились, что там, где из нормальной в общем-то девчонки сделали такую зануду и истеричку, им явно не место. Но она продолжает мучить их своими проповедями и духовными советами, которые они выслушивают разве что из вежливости.

Соответственно, она потихонечку умерщвляет плоть, тот есть прежде всего плоть мужа – своей отвратительной готовкой (но зато по всем правилам постных уставов), а равно и своим отношением к сексу как к чему-то крайне постыдному и извинительному только потому, что детей иначе не сделаешь. Детей у них, кстати, пока нет, а жаль – ух, как бы она их у меня повоспитывала! Клали бы они у меня поклончики за разбитые чашки, стояли бы на горохе за пропущенные молитвы! Но врачи говорят, что-то пока не в порядке. Подозреваю, что не обошлось без руки Врага.

Повезло ей и с духовником – это молоденький священник, который очень нравится ей как мужчина, только я ни в коем случае не позволяю ей самой себе в этом признаться. Он неустанно разжигает в ней огонь религиозной ревности, то есть ненависти ко всему, что не совпадает с его представлениями о религии. Своих же взглядов у нашей девушки давно уже нет, по крайней мере, она так считает. Их заменило учение Церкви, а точнее – те немногие и порой превратно понятые крохи, которые нашла она в своих брошюрах и наставлениях духовника, а еще точнее – ее собственное, довольно примитивное и слишком эмоциональное, понимание этих крох. Так что, – уверенно закончила чертовка, – я надеюсь, что не за горами тот день, когда я выращу из нее первоклассную ханжу.

Прямо идеальный материал для эксперимента! Я еще раз обратил внимание собравшихся на поразительную проницательность моего тычка рогом. Затем мы договорились о режиме работы. Чертовка (кстати, ее зовут Притворялой) будет периодически докладывать о ходе работ на комиссии, где ей будут предлагаться конкретные рекомендации. А за мной остается общее руководство процессом.

Впрочем, прежде всего нам надлежало познакомиться и с ее мужем. Оказалось, его бесенок-искуситель тоже болтался неподалеку, на всякий случай. Вызвали и его.

– Зато вот мой подопечный, ее муж, – самоуверенно начал бесенок, – совершенно не интересуется религией! Отличное сочетание, правда? Особенно после того, как жена ударилась в это мракобесие, как он, отчасти справедливо, называет ее состояние. И этот нам льстит,

заметьте! Нет, конечно, он человек широких взглядов. Он интересуется многим, от агни-йоги до исихазма, но вся духовность человечества представляется ему громадным супермаркетом, в котором он выбирает себе приглянувшиеся коробочки с разных полок. Ни системы, ни последовательности в его увлечениях нет и быть не может. Главное, он боится ответить самому себе на вопрос, во что он верит и что на самом деле думает, потому что всякий честный ответ заставит его принять на себя ответственность, а это именно то, чего он не захочет ни за какие коврижки.

Ему гораздо приятнее смаковать свои тонкие переживания и ежедневно увлекаться новыми игрушками, которыми можно так изящно блеснуть в узком кругу ценителей, непринужденно потешаясь над ограниченностью ортодоксов, вроде его жены. Разумеется, и у него есть свои идеалы, которым он никогда не изменит – темное пиво, любимая компьютерная игра и любимый форум в интернете. Наконец, девицы с роскошными ногами и бюстом, по сравнению с которыми его собственная жена – уродина. И он, конечно, тешит себя мыслью, что это не пиво, игры и эротические фото владеют его мыслями и чувствами, а, наоборот, он с их помощью отрывается от серой и занудной действительности.

Словом, атеистом мы его не сделаем, да и не надо. Но пофигистом нам его сделать уже удалось. Разумеется, он начинает тихо ненавидеть все, что связано с религиозными убеждениями его супруги, а к духовнику ее потихоньку ревнует, хотя и не хочет себе в этом признаваться. На этом фоне, конечно, очень нетрудно подловить его на искушениях плоти, и хотя он за последние три года ни разу не изменил ей в постели с другой женщиной, если не считать того случая в командировке, которого он сам стыдится. Но в мыслях и чувствах он уже давно не ощущает себя ее супругом, и тут, я думаю, будет самое время подкинуть ему какую-нибудь смазливую мордашку с широкими взглядами и выскодуховными вопросами, чтобы агни-йогой им заниматься вместе.

– Это было бы слишком простым решением, – тут я уже не выдержал и вмешался, – к тому же факт измены может показаться ему слишком неприглядным, ведь эта досадная черта под названием «совесть» в нем вовсе не атрофирована, несмотря на все твои потуги. Гораздо интереснее заставить его хранить внешнюю верность, но так, чтобы он возненавидел и супругу, и цепи, которыми он как высокоморальный человек сковывает себя ради нее. К тому же половая неудовлетворенность служит отличным фоном для куда более тонких искушений.

Что же касается его пофигизма, тут ты прав, и об этом здесь уже говорилось. Это раньше мы доказывали превосходство материализма над религией, а потом – превосходство оккультизма над христианством. Но сейчас новая эта! Суть в том, чтобы человек сказал: сегодня утром я верю в то, во что мне хочется верить сегодня утром, а во что я верил вчера вечером, не имеет решительно никакого значения. Люди, впрочем, всегда так поступали, но сегодня нам удалось отучить – а точнее, отвлечь! – их от дискомфорта, который они при этом испытывали.

Кстати, ты, кажется, упомянул, что он приобрел зависимость от интернета и компьютерных игр? Это вообще ресурс, который мы слишком часто недооцениваем! Пусть он уходит в дебри виртуального мира и погружается в них по самые уши. Пусть он начинает тихо злиться, когда что-то вытаскивает его с мир реальный. Пусть он как можно дольше сидит на форумах и чатах, лучше всего ему подкинуть что-нибудь религиозное, чтобы там в компании таких же безразличных друг другу масок он оттачивал свое остроумие и пренебрежение к реальным людям, прежде всего к своей жене. Да-да, какой-нибудь круг, где обсуждаются теологические вопросы! Пусть он попроповедует там то, что никогда не осуществляет в реальной жизни, пусть всласть покрутится перед зеркалом! Ну, и добрая доля эротики на десерт, чтобы и эта сторона его жизни стала как можно более виртуальной.

– А что вы порекомендуете мне? – подобострастно пролепетала чертовка.

– В общем и целом, девочка, ты действуешь верно, – ответил я, – но ни в коем случае не стоит недооценивать опасность ее принадлежности к Церкви. Самых тупых и несносных своих

адептов Враг все-таки подпитывает через эту Свою организацию способом, который нам пока не удалось досконально установить. Иногда диву даешься, глядя, как какая-то восторженная дурочка, посещая собрание напыщенных скряг и высокопарных истеричек, под мерное журчание примитивных песнопений потихоньку сползает к самой настоящей святости, и никакие наши ухищрения не могут этого остановить. Тебе придется играть на грани фола. Но тем выше может быть приз. Знаешь что… Давай-ка пригласим искусителя ее духовника. Да, вот именно, будем тянуть за эту ниточку!

Но этого искусителя на месте не оказалось. Придется подождать до завтра. На ковер его, на ковер, голубчика! Ох, чувствую я, там будет, где порезвиться.

7.

Надо сказать, встреча с искусителем духовника той дамочки меня несколько разочаровала. Но это только сначала. Признаться, я уже рисовал себе приятные картины, хорошо знакомые по опыту многолетней работы со служителями культа. Перед глазами проплывали характерные типажи, прямо парами, так сказать – единство противоположностей. Может быть, он мрачный средневековый изувер, а может – элегантный светский господин, по недоразумению одетый в рясу. Может, диктатор, который с наслаждением ломает психику своих прихожан, а может – потатчик, который гладит по головке и утешает, утешает, утешает без меры, привязывая несчастненьких к своей ласке, как к наркотику. Может, хрупкий аутист, который запирается в своем алтаре как в последнем неприступном убежище, и лепечет слабым голосом дежурные проповеди, мечтая, чтобы народ от него поскорее разбежался. А может, кипучий общественный деятель, громогласный оратор, которому и помолиться-то некогда между крестным ходом, митингом и совещанием… С такими и работать особо не приходится, там все по накатанному идет.

Но случай оказался менее стандартным. Приставленный к нему бес выглядел куда более солидно, видно, что не новичок. И отчет стал давать толково:

– Мой клиент – существо довольно упрямое и непредсказуемое, но, к сожалению, верующее. Я, кстати, давно просил, чтобы мне выдавали дополнительную порцию энергетической подпитки, за вредность – знаете, все время около храма, сил никаких не хватает…

– Ну вот, – оборвал я его, – еще ничего не рассказал, а уже попрошайничать. В цыганский табор сослать тебя, что ли, если в церкви утомился?

– Виноват, – потупился бес, – я высоко ценю оказанное мне доверие, но вы все-таки возьмите на заметку, господин Балабол.

– Взял уже, – сухо отрезал я, – и спуску не дам.

– Ну значит вот что, – бес сник и перешел-таки к делу, – в служителях культа он уже около пяти лет, рукоположен сразу после семинарии. Разумеется, стандартная методика искушений была к нему применена в полном объеме. О выдающейся аскезе речь там не идет, но и втянуть его в болото примитивных плотских искушений тоже не удалось. Насчет гордости успехи тоже не очень большие, боюсь, что личная самооценка у него слишком трезвая. Кое-что удалось сделать в отношении гнева и самомнения. Но и тут было больше человеческой слабости, нежели осознанной злой воли.

– Сами по себе, – напомнил я, – эти человеческие слабости не особо ценны для нас, но они – отличная питательная среда для серьезных грехов. Но мне приятно видеть, что ты смотрел на вещи реалистично и не надеялся в полгода сделать его пьяницей или блудником, как многие начинающие искусители. Надеюсь, ты приберег его для более утонченных искушений?

– Разумеется, ваше непотребство, – бес явно знал этикет, – к тому же приходилось постоянно учитывать наличие таких досадных факторов, как искренняя молитва и регулярное участие в таинствах Врага. Знаете, бывают такие моменты, когда самый лучший искуситель ни на что не годен. Не все от нас зависит.

– Но это обстоятельство, – строго напомнил я, – не избавляет тебя от положенного отрицательного стимулирования за неудачи в искусительной работе, не так ли?

Бес скривился, но мужественно продолжил:

– Тогда я перешел, как вы изволили выразиться, к более уточненным искушениям, а именно, к фантазиям. Если уж не удалось увести его из храма, я решил до отказа заполнить храмовое пространство выдумками – его собственными, моими, чьими-то еще, да любыми, какие только найдутся. Главное, чтобы он и сам не жил в реальном мире, и прихожанам своим не давал. Я постарался погрузить его в XIX век. История России в XX веке представлялась

ему сплошной ошибкой, и не оспаривая его оценок, я подкинул простенькую идейку: надо просто перемотать пленку назад и вернуться в золотое время, хотя бы в одном, отдельно взятом приходе! А что исторические события связаны друг с другом точно так же, как двадцатый номер следует за девятнадцатым – от этой мысли я его тщательно оберегал.

Его христианство стало потихоньку обретать вид костюмированного бала в этнографическом музее – стилизованные одежды, нарочитые интерьеры, обветшалые слова, и все это никак не связано с жизнью, текущей за стенами добровольной резервации. Словно он и его прихожане, а главное – прихожанки (кроме тех, кто разбежался) устремились не в царство Врага, а в некое тридевятое царство-государство из сказочного мира. Град Китеж, художественно выражаясь.

– Ты думаешь, – прервал я его, – что удастся удержать его в этом надолго? Что он не начнет со временем относиться к этому маскараду как к чему-то совершенно внешнему? И тогда что нам пользы – один обставляет квартиру в стиле хай-тек, другой в псевдорусском, и только-то.

– Разумеется, – подхватил бес, – он не настолько глуп, чтобы застрять во всей этой фольклористике. Тем более, что ему пришлось бы решить для себя, в какой именно век возвращаться – а тут уж на каждом повороте его что-нибудь, да отрезвило бы. Девятнадцатый век или шестнадцатый равно не похожи на царство Врага, хотя каждый из них не похож по-своему. Но в него прочно запало нечто куда более существенное: привычка выбирать из всего многообразия этого мира нечто созвучное его настроениям и объявлять это высшей ценностью. А все, что не похоже на это – от нас, родимых.

К тому же он очень увлечен своей властью «вязать и решить». Я, конечно, постарался, чтобы он понимал ее в основном как «связать да и порешить» всякого, кто ему не по нраву, и тут, признаюсь честно, его природные склонности сыграли мне на руку. Конечно, конечно, мне удалось спрятать эту властность за скромностью поведения, тихим голосом. Он не посылает отбивать поклоны, а вкрадчиво советует: «ну, тут бы десять поклончиков очень хорошо» – но таким голосом, с таким настроением, которые не подразумевают отказа. А если кто не хочет слушаться – ну что же, он даже не станет выталкивать такого человека из своего круга, он просто не снизойдет до его неправильностей, а продолжит гнуть свое. Не хочет, бедненький, поклончики, гордынька его задела, я о нем помолюсь… А когда он уйдет, останется только вздохнуть о пропащей душе: мол, изначала не от нас был, вот и ушел, и вся недолга.

Вокруг него собирается круг молодых людей и в особенности девушек, для которых «наш батюшка» медленно, но верно заслоняет собой Врага. Не так важно, кто там что наговорил две тысячи лет назад, как важно уловить тончайшую перемену в настроении своего пастыря, угадать, вовремя посокрушаться вместе с ним об страстной эмоциональности западных святых или повздыхать о том сладком будущем, когда вновь спустится с небес на землю самодержавная монархия… Прочь, прочь от этого неуютного мира в сладкие грезы, тонкие переживания, примитивную вкусовщину, которую мы и назовем духовностью!

– Отлично, – я не мог не признать определенных успехов за этим бесом, – Я справлюсь насчет энергетической подпитки в органах распределения. Но помни: ставки высоки! Тут тебе не пьянство или блуд, тут тонкая работа.

– Рад стараться, ваше непотребство! – обрадовался бес.

– Ну, а что же наша подопечная? – обратился я к чертовке, – млеет от него?

– Млеет, еще как млеет, – захихикала та, – особенно на фоне мужа-то! И чувство какое глубоко духовное, не то, что у некоторых! Какой он образованный, да тонкий, да понимающий, но в то же время ранимый! Вот если бы встать с ним рядом, пройти по жизни, ведь матушка его, она его все же не понимает, слишком груба, приземленна для нашего батюшки. И вокруг все какие-то кликуши да лицемерки, то ли дело я со своей духовностью, – затараторила чертовка.

– Не торопись, девочка, радоваться, – прервал я ее, – неужели она не заметит, насколько примитивны твои рассуждения?

– Ну, тогда подкинем что-нибудь поизящнее и поскромнее, – с готовностью согласилась она, – например, отправим их в паломничество по святым местам. Как думаешь, приятель? – она подмигнула бесу, – а вместо святых мест пусть они у нас поборются за места в автобусе поближе к любимому батюшке-то, да пусть переругаются как следует, да еще и с монастырскими надо будет договориться, чтобы их там веничком-то огладили пару раз, для смирения, ну и всякое такое…

– Выдумщица ты у нас, – почти ласково сказал я. Ах, какие ножки! Какие изящные копытца! Ну прямо просятся в холодец, – главное, ты внушай ей, что теперь ее чувства сугубо духовны. Мол, раз она христианка, то ничего такого просто человеческого, я бы даже сказал бабского, в ней не осталось, одно только ангельское – ну, или наше. Грешки, желательно мелкие, пусть будут наши, ладно, а вот все ее чуйствования и фантазии – не иначе как ангельские.

– Так что работайте, товарищи, – напутствовал я их в заключение, – а я как-нибудь на днях зайду, проведу еще разок мастер-класс. Надо будет в офис к нашей дамочке наведаться, там, небось, тоже непочатый край возможностей. Ничем нельзя пренебрегать в нашей работе! Мелочей не бывает, точнее – в них-то и кроется наш потенциал!

Да, пренебрегать мелочами – просто преступно! В который уж раз мне пришлось напомнить об этом своим подопечным. Этот их российский гигантизм, мечты о построении царства нашего нижайшего отца если не во всемирном масштабе, то по крайней мере в одной, отдельно взятой стране. Инфантильный бред! На Западе давно отказались от таких проектов. Мелочи, мелочи – вот что надежнее всего засасывает человека в болото, из которого ему не так-то просто выбраться. Жизнь его течет размерено и комфортно, он и грехов-то за собой особых не знает – а все же он наш.

Унылая на первый взгляд, но такая удобная карусель повседневных событий и обычных карьер – от школы к колледжу, от колледжа к конторе, а там и к женитьбе, и к детишкам движется человек, словно от утреннего кофе до вечернего пива – и прошла жизнь, как и не было. А нам и такой человечишка сгодится, на гарнир хотя бы.

8.

Быстро течет время в аду… Нам есть, чем заняться, в этом бодрящем грохоте, пламени, дыме наших будней не остается места для меланхолии, сентиментального слюнтяйства и апатии. Стоит в них впасть – и ты сам становишься закуской на чужом столе. Нет, бодрость, натиск, сила – вот, чем живет ад! Это и роднит его с бизнесом в подведомственных мне странах СНГ.

Кстати, мы навестили-таки офис той самой фирмы в которой трудится наша подопечная дамочка. Забавная, а в чем-то и поучительная экскурсия. Выездная сессия, я бы даже сказал, семинар по обмену опытом. Сотрудники мои отнеслись к этой идее довольно кисло. Ну что там можно собрать, говорили они? Мелочи, мелочи, сладкие мои! На работе человек проводит как минимум 8 часов в день – и что же, будем бездействовать? Нет, я не о воровстве коробки дискет и не о мелком хамстве надоедливому клиенту. Точнее, и об этом тоже, но есть у нас дела и посерьезнее.

По себе ведь знаете, сказал я им, что желанней всего на свете – власть. Подавляющему большинству двуногих она дороже денег, слаще секса, прилипчивей пьянства. Возможность показать свое превосходство, навязать свою волю хоть одному человеческому существу. А тут – сколько возможностей!

Словом, отправились мы в тот офис. Обстановку я сразу оценил как благоприятную. Начальница у нее – бизнес-леди того самого возраста, когда женщина руками и ногами отпихивается от старости и начинает понимать, как мало все-таки она успела в жизни. Она одинока, и значит, на ее подопечных выплескивается весь запас эмоций, которые замужние расходуют на семью, а монахини прячут в молитве. Там, где наивный взгляд не увидит ничего, кроме сугубо деловых отношений, там на самом деле она ищет… Да чего же она ищет? Любви, наверное! Да, любви. И пусть молчат адепты Врага с их вечной шарманкой про заботу и понимание, мы-то знаем, что такое любовь! Отменный аппетит, вот что это такое.

О да, как она любит своих подчиненных! Как может у них быть своя, неподконтрольная ей жизнь? Ну ладно дома, а в конторе, в конторе уж – ни-ни! Не сметь видеть, чувствовать, думать иначе, чем она! Они должны быть продолжением ее рук, ее компьютера, а самое главное – ее страстей и страхов. Так что она будет вести с ними задушевные беседы о жизни, поучать и опекать, будет лепить из них то, что нужно лично ей, нужно немедленно и без остатка – и будет называть это словом «бизнес».

Уж конечно, интересы дела тут будут носить характер чисто декоративный. Она вцепиться в свою правоту как голодная собака в гнилую кость, и горе тому, кто встанет на пути принятого решения или даже только усомнится в его правоте! Холодный анализ ситуации заставил бы экспертов корректировать курс, шлифовать стратегии – но жажда власти и собственной правоты никогда не нуждаются в этом. Она будет держаться однажды принятого решения до последнего, ее «Титаник» не заметит айсберга, зато медные поручи на всем корабле будут надраены до блеска.

Она по-своему счастлива в своем кукольном царстве, и по-своему несчастна, когда садится вечером перед пустым телевизором и не может отойти от дневной борьбы за тень собственного достоинства.

Но как для нее другие люди – только средство, так и нас она сейчас интересует лишь в одном плане: как она может помочь нам в борьбе за нашу подопечную. А вот, кстати, начальница вызывает нашу лапочку к себе! Посмотрим, посмотрим… О, оказывается, она допустила некоторую вольность – договорилась о чем-то с клиентом, не посоветовавшись с начальством. И вот начальница ведет ее в кабинет, ласково приобняв за талию… нет, нет, это не эротика! Это слаще, это жажда власти. А у той мурашки бегут по спине, и не зря она чувствует себя бутербродом на тарелочке. Скушают тебя, милочка. А ты не будь дурой – кушай сама.

Да хоть вот этого тюфяка за соседним столом. Это же будет чистой воды вегетарианство! Такого – и не слопать? Тяжелое детство, властная мамаша – и не может человек без строгих женских рук, которые его, шалуна и недотепу, и поддержат, и на путь наставят, и накажут, конечно, иной раз, не без этого. Кушай, он сам просится в рот! Он же не может сделать ничего путного, если без тычков, скандалов, дерготни! Это он виноват в твоих бедах. Это за него начальница гнобит весь отдел.

Вот ты сейчас и расскажешь начальнице про него все-все-все, что было, и чего не было, и что только показалось. Вот сейчас вы начнете вдвоем составлять план по его спасению от его лени и разгильдяйства. Кто сказал, что это интрига и подсиживание? Это работа по спасению человека! Для начала лишить премии, перенести отпуск на ноябрь… то есть, разумеется, поручить ему тот проект, который закончится только в октябре, а до тех пор какой же отпуск? И командировку ему в Урюпинск! На месяц. Нет, на полтора. Да, пусть поработает над собой. Так ты и рекомендуешь начальнице, вкрадчивым голосом, словно бы советуясь с ней о наболевшем.

А вон та фифа молоденькая, на которую он заглядывается? Да какое он имеет право! Ну и что, что оба неженаты? Это же рабочее время. И значит, вы должны спасать человека, даже нет, двух людей. Ничего страшного, что местком отменен. Местком, он внутри нас. Мы вызовем ее, побеседуем о том, как она раскалывает коллектив, заводит групповщину. А вот проект вовремя не сдан, между прочим, и сколько, интересно, все это будет продолжаться?

Видишь, сладкая моя, уже не о твоей провинности речь. В ней ты покаялась, и очень правильно покаялась – изобрела других виноватых, обо всем доложила по инстанции. Молодец, иди, работай. И ничего ты не наябедничала, а позаботилась о коллегах и товарищах по работе. Пусть они даже косятся на тебя, эти ничтожные людишки, они же не понимают, что ты жертвуешь собой ради их же блага!

– Ну вот так примерно, в общих чертах, – резюмировал я для своих подчиненных, – продолжайте в том же духе. Пусть себе звереет потихонечку на работе, чтобы потом выплескивать это раздражение дома, пусть забивает себе голову всякой ерундой: кто как на кого посмотрел, кому ответил. Мелкая жатва, а и она пойдет в общую копилку. А там можно будет и наградить ее – дать кусочек власти, сладкой, пряной власти, с румяной такой, с хрустящей корочкой. Кусочек, после которого захочется еще и еще, и уже нельзя будет остановиться.

Ничего особенного, конечно, но днем я остался доволен. Только одна деталь меня удивила – какой-то странный, слабый, но очень неприятный свет от этих фотографий на шкафчике за ее спиной… Люди, просто тупые, наглые двуногие. Почему она их любит? Почему вешает здесь? Надо намекнуть ее начальству, что офис должен выглядеть строго. Никаких таких цацек в рабочее время. Да. Только так. Никак иначе.

9.

Наша лапочка, как я уже говорил, ходит в церковь. Это, конечно, куда как неприятно. Можно только посочувствовать моей – как хотел бы я действительно сделать ее моей, поглотить без остатка, переварить, усвоить! – да, моей чертовке. Рядом с огнем ходит. Ну да ладно, надо и мне иногда показывать высокий класс.

В общем, устроил я им показательное выступление, отправился с ней на исповедь, собрав в зрители побольше молодых искусителей, которые могли бы мной должным образом восхититься, ну и кое-кого из местного начальства. Нечего-нечего, приговаривал я им, не отговаривайтесь своими отгулами и бюллетенями, у нас не бюджетная организация! Сказано на исповедь – значит на исповедь, ничего, потерпите. Думаете, от таких моментов позволительно увиливать? Ничего подобного! Это там происходит самая отвратительная несправедливость – аннулирование наших счетов к подопечным.

Мне самому, если честно, не до конца понятно, как работает у Врага этот механизм. Любой счет должен быть оплачен, таковы законы бытия. Как смеет Он записывать их на Себя и еще и утверждать, что после того Происшествия никто никому не должен? Наш нижайший отец, а это ему, вне всякого сомнения, пытался заплатить Враг на Кресте, не согласился с таким платежом, и вообще… Хрррр… уыыыы!

Я надеюсь, наши контролирующие органы обратили внимание, что моя реакция на эту невыносимую несправедливость состоит в точном соответствии с реакцией нашего нижайшего отца. На этом я прекращаю обсуждать теологический вопрос, который способен надолго вывести меня из равновесия и даже лишить привычного облика.

Итак, аннулирование счетов, которое называется мерзким словом «прощение». По счастью, аннулируются те счета, которые адепты Врага сами передают Ему. Говорят, бывает и иначе, но… хррр! В общем, задача наша состоит в том, чтобы человек уходил с исповеди с тем же грузом, с которым и пришел, а в идеале – взял бы на себе еще больше. Я как раз и собирался продемонстрировать моей аудитории, что это вполне выполнимая задача.

Нет, конечно, на какие-то уступки тут приходится идти. Но и их мы должны обращать в свою пользу! Пусть подопечная долго сокрушается о каком-то маленьком нарушении правил (например, о стакане кефира, выпитом в постный день), и вместе с тем незаметно для себя восторгается этим своим покаянным настроем и негодует на родных, которые этот стакан кефира ей налили, не оценив ее постнического подвига. Впрочем… впрочем, и это мелочи. Я же рассчитывал провести более крупную игру на духовных переживаниях нашей дамочки. Что я и сообщил своим зрителям в кратком, часа на полтора, вступительном обращении к аудитории. Все-то надо им разжевывать, как чертенята малые, честное слово…

Пусть, пусть живет она в мире своих эмоций и тонких фантазий. Пусть не видит реальных, живых людей (да по правде сказать, этих двуногих и в самом деле лучше не видеть). Пусть питается только собственным вымыслом по их поводу. А потом мы ей реального человечка и подсунем, да в самый подходящий момент, да нужным боком его и повернем: смотри, какой! Ты-то думала, он почти святой, да еще и с чувством юмора, да внимательный-заботливый, а на самом деле – тупой и ограниченный пошляк, который просто слюни пускает по твоему адресу. Вот так! И обиды, обиды погуще положить, и даже пусть помолится за него, ладно, потерпим, лишь бы вся эта молитва была сплошным криком: «если я тебя придумала, стань таким, как я хочу!» Очень полезная, кстати, песня, жаль, ее теперь редко по радио передают.

Но такие моменты надо создавать. Вот и сегодня всё было выбрано как нельзя удачно: долгий, нервный день на работе, мелкая размолвка с мужем, душный храм, толпа бестолковых исповедующихся, каждый из которых норовит вперед пролезть да банальностей побольше

наговорить, да громким шепотом, чтобы весь храм слышал, какие там проблемы с пьющим зятем да с соседкой-сволочью. Очень настраивает на нужный нам лад.

А еще, конечно, хорошо заложить в нее фарисейской завквасски. Ммм, какое получается вино, методом глубинного брожения! А главное, правила игры предельно просты: «не то, что она». Совершенно не важно, по какому поводу произносятся эти слова, не важно, как при этом себя человек называет. Любое, практически любое движение человеческой души по направлению ко Врагу можно сбить с толку этим нехитрым приемчиком: «Я сознаю, что я великая грешница… не то, что она, она и грехов-то за собой не замечает. Я пришла сюда каяться в надежде получить исцеление… не то, что они, они зашли сюда по привычке. Я сознаю, что в своих бедах я полностью виновата сама… не то, что он, он вечно переваливает ответственность на других. Я, в конце концов, вижу в себе грехи мытаря и гордыню фарисея, а они все вообще ни о чем таком даже не думают». И даже если придет ей в голову такая опасная для нас мысль перестать сравнивать себя с окружающими, и тут у нас будет готов ответ: «Я не то, что эти эгоисты, я не сосредоточена на себе одной, я забочусь о спасении других». И отличненько! Будет, будет фарисейское винцо к нашему застолью.

Но дамочка наша держалась. Читала свои каноны по книжке – да, в такие минуты… хоть и по книжке… ну да ничего, не впервой, выдержим! Пропустила всех нервных бабусь и прыщавых юношей с их румяными от смущения секретами. И подошла к священнику…

Есть моменты, когда бесу нужно собирать свою волю в кулак. И сколько бы ты ни готовился, какой бы опыт ни стоял у тебя за плечами, это все равно каждый раз, как прыгать с разбега в чистый прозрачный поток. Бррр, какая мерзость! Я видел, как ежились поодаль искусители этого священника и этой дамочки. Снова основную роль пришлось брать на себя.

Она начала перечислять свои мелкие промахи. Обычный в таких случаях блок стыда не сработал – достаточно часто он заставлял человека молчать здесь о том, о чем с усмешечкой рассказывал он в кругу близких знакомых: вот, мол, все мы люди несовершенные, все с причудами, вы же понимаете…

Что же, хорошо бы ей и остановиться на этих мелочах. Пусть, пусть исповедуется в них, и тем еще больше укрепляет себя в вере в свою чистоту, набожность, правильность. Пусть все строже и строже соблюдает правила поста, пусть все меньше и меньше говорит грубых слов… ласково, елейненько так надо, смиренненько, а уж содержание нужное мы сами вложим. Ложку яда в бочку елея – это мы запросто.

Но тут я, похоже, зря расслабился. Моя дамочка сбилась с правильного перечисления правильных грехов и как-то неожиданно для себя выдохнула: «ну ничего толком не получается, батюшка! с мужем вот… и на работе… а уж как я Алку отшила, она ко мне со всей душой, а я-то…»

Да, здесь требовалось немалое мужество, и я его проявил. Я бы даже сказал, что немногие искусители нашли бы в себе силы присутствовать при такой честной и доверительной исповеди. Немногие. Но я, я смог! И не просто устоял, но даже вложил, да, именно, вложил ей в сердце червячка: а поймет ли батюшка, оценит ли? Его же, наверное, список прегрешений интересует, не живая душа человеческая? Что ему до тебя…

А и в самом деле! Сработало, ай как хорошо сработало! Обязательно добьюсь для его искусителя энергетической подпитки. Стоит того чертяка! Уставший, равнодушный священник сказал пару дежурных слов, а я давай, давай давить на это вот чувство: ему бы все только каноны да епитимьи, не понимает, не ценит, не любит, что с таким и толковать…

Что это было, я так и не понял. Но это была нечестная игра… При чем здесь он? Ну при чем? Его здесь не было! Он сгнил в яме, на Колыме, тот старик, я сам это видел, его просто не могло быть в храме. Но он появился… Зачем, зачем этот нелепый маскарад, ослепительный, невыносимый, сияющий лагерный бушлат… Почему ему дали меч? Почему-ууууу! Это больноооо! Ооооочень больно…

Наше выездное занятие пришлось прервать в связи с форсмажнорными обстоятельствами. Я спешу донести до сведения нижестоящего начальства, что я не бежал с поля боя, в отличие от этой мелкой бесовской шушеры, я отступил с чувством собственного достоинства перед лицом превосходящих сил Противника. Всемерно ходатайствую о выделении мне энергетических резервов из запасов Нижайшего Командования. Ничего не давать этому ослуискусителю, всё мне, мне, мне! Как же болит до сих пор…

10.

Это, наконец, стало невыносимым. Я не могу принять это иначе, как личное оскорбление. Этот старик… Эта дамочка… Я даже не знаю, чем окончилась исповедь. Меня вышибло, как из дайл-апа. Запрос, срочный запрос в архивы про старика… Ну что они там копаются! Пока я не владею информацией, я не могу ничего предпринять. И между прочим, ой как было больно! До сих пор еще не прошло. А резервов выделили мало, и даже сожрать некого, вроде как никто не виноват.

В общем, после того происшествия в храме мне пришлось на некоторое время оставить нашу дамочку в покое. Конечно, рядовых искусителей я отправил на работу, поставив им задачу углубить и расширить ту трещинку, которая возникла в отношениях священника и нашей подопечной. Но если снова появится тот старик… Нет уж, на сей раз пусть это будет кто-то из них. А я так не играю. Я старый, почтенный искуситель, как же можно…

Да-да, я как раз имел в виду, что надо дать шанс молодежи. Чтобы не боялись трудностей, были ко всему готовы. Нет-нет, я заверяю нижестоящие инстанции, что ни в коей мере не пасую перед трудностями. Мне бы только вот еще подпиточки…

В конце концов, у меня есть обширное поле теоретической деятельности. Методологической. Нельзя же заниматься одной текучкой, это не мой масштаб! Вообще, завозился я с этой их теологической комиссией. Тоже мне, навоображали себе невесть чего, а на самом деле просто мелкие пакостники!

Я ведь на самом деле вижу настоятельную потребность в организации другой комиссии – лингвистической. Вот где собака не рылась! Вот где кладезь! Что это мы, по старинке называем вранье враньем? Не вранье это, а пи-ар. Пи-ар, запомнили? Сумасшедшее бабло, между прочим, крутится. Зло творить, тут немного ума надо, а вот пропиарить его как следует…

Конечно, и в стародавние времена обращали мы внимание на такие штучки. Хороша была та версия про Иуду Искариота, к которой я и сам, скажу с чувством законной гордости, приложил копыто. Ну, про то, что это он и есть главный трагический герой Евангелия, мол, без него не было бы того Происшествия на Кресте. Раз уж оно так им далось, Происшествие, то по крайней мере надо интерпретировать в выгодном для нас свете. Как мучался бедненький Иуда, решаясь своевременно проинформировать о своем Учителе. Ну, конечно же, именно он и был критическим звеном в цепочке – не пусти он информацию по своим каналам, так и остался бы Враг, хи-хи, без Креста, без Креста! Да-да, именно так всем и рассказывать, что Враг – тщедушный дурачок, который даже помереть не мог без посторонней помощи. Ляпнул какое-то пророчество, а Иуде за него пришлось отдуваться, исполнять. Самому удивительно, как долго живет эта версия…

А впрочем, чему удивляться? Это же так созвучно человеческому самоощущению! Если я предаю, ворую, убиваю, то это вынуждено, на самом деле я и есть жертва, я и есть главный герой! Если Враг там чего-то когда-то кому-то напророчествовал, то теперь я, именно я решаю, как это пророчество будет исполнено, кого казнить, а кого миловать, я, а не этот бессильный и глупый Враг, который так нуждается во мнеее!

Ух, как здорово! Говорят, Иуда особенно громко скрежетал зубами, когда ему представили весь этот спектакль. Надо же иной раз поразвлекать клиентов, не все же их кушать!

Но этого, конечно, недостаточно в век информационных технологий. Новояз, вот наша сила! «Сегодня в так называемом Эдемском саду Адам и Ева приступили к выполнению программы по преодолению продовольственного кризиса. Заготовка плодов информационного древа идет полным ходом. Слухи о существовании древа жизни, тем не менее, не подтвердились. В стороне от плодозаготовителей встречаются пикеты так называемых херувимов, выступающих за поддержания экологического баланса в саду. По словам главного эксперта Змея,

экологии сада ничто не угрожает, в то время как экстремистски настроенные херувимы могут обладать незарегистрированными огненными мечами. Силовые структуры уже предпринимают необходимые действия. Оставайтесь с нами, и мы расскажем вам, как будут развиваться события».

Расскажем-расскажем, всенепременно, обязательно! Вы, дорогие мои, сладенькие, румяненькие мои людишки, будете обо всем информированы. Вы потом даже не сможете оправдаться, что ничего не знали. Так что оставайтесь с нами, оставайтесь подольше – и останетесь навсегда!

Просто нужно правильно подобрать имена… Вот, например, история о вооруженном конфликте между религиозным экстремистом Авелем и героически вставшем на его пути Каине. Вот оперативное и кардинальное решение демографической ситуации в Вифлееме. Вот фестиваль искусств, приуроченный ко дню рождения царя Ирода, и мракобесная критика юных дарований со стороны нетерпимого Иоанна Крестителя. Вот ликующий народ приветствует видного деятеля освободительного движения, борца за светлое будущее всего человечества товарища Варравву и требует решительно покарать наймита мировой… нет, это впрочем, устаревшая версия. Лучше вот так: Искариот и партнеры, информационная поддержка правительственных структур. Рукомойники системы Пилата: отправь невиновного на крест и спи спокойно. Это как раз в духе времени. В нашем духе.

В общем, как раз пока я писал эти наброски, пришли две новости. Начали, конечно, с плохой… Это оказался родной прадед нашей подопечной. Тот, в бушлате. Отвратительная семейственность! Очень характерно для Врага: «кто не возненавидит отца и мать», и всякое тра-ля-ля, а как доходит до дела, так родственников своих выгораживаем. И вообще, между прочим, он без вести пропал, и даже не канонизирован, кто дал ему право вмешиваться? Да, серьезная каша заваривается… и отступить уже не получится. Будем долбить до последнего.

Зато она перестала ходить в ту свою церковь. Вот уже две недели ни ногой! Значит, сработало. Значит, я героически принял удар на себя и посеял все-таки в ее душе, что полагалось посеять. Ну что же, не бывает бóльших ненавистников церкви, чем те, кто в свое время обкушался церковностью. Пожалуй, я снова возьму на себя руководство действиями на местах. Жаль только, что я так и не знаю толком, чем закончился тот их разговор.

Вот только надо подумать, в каком направлении ее вести. Во-первых, конечно же, надо заставить ее жить исключительно своими переживаниями. Вся ее религиозность была построена в основном на эмоциях, мимолетных, незрелых, капризных – так пусть она назовет эти эмоции настоящей духовностью и переваривает, переваривает, переваривает произошедшее, пока не начнет тошнить – а там и от бледной своей и немощной духовности нетрудно будет отказаться в пользу здорового, бодрящего адского реализма.

Пусть она почаще думает, как ее обидели, не поняли, оттолкнули. Пусть прозреет, увидит все ханжество и лицемерие своего былого духовника, всю его человеческую непривлекательность и ограниченность, которую она так старательно не замечала прежде. Было очарование влюбленности, так настало время разочаровываться, настало время обвинять его самого в собственной слепоте и близорукости: как же это я могла в нем так ошибаться! Это же возомнившее о себе ничтожество! Главное, отводить ее от мысли, что это она сама о нем невесть что возомнила, когда подогревала на огоньке его проповедей свою мечтательность.

Пусть ее молитва, если уж не удалось вовсе отучить ее от молитвы, будет сплошным расчесыванием ран, даже мнимых ран: не оценили, не поняли, не приняли. О себе, любимой. Притворяле надо постараться, чтобы ее хилая молитва как-то обходила других людей. Порой даже просто воспоминание о тех, кто любит и ждет, действует на наших подопечных как душ, смывающий с души заскорузлую грязь. А то еще, чего доброго, начнет переговариваться с тем, в бушлате, и с другими, которые уже у Врага, к которым у нас доступа нет… Так что если уж

она и помянет другого человека, то пусть думает о нем исключительно как об объекте: сделайте его таким-то и таким-то, он мне так больше понравится! Это ничего, это нам не опасно.

А еще надо проследить за кругом ее чтения. Подкинуть ей… нет, советская атеистическая литература тут не пройдет, от нее уже и младший бесовский состав давно тошнит. Что-то утонченное, возвышенное, высокодуховное… Традиционная церковь, которая так небрежно относится к людям – Галилею, Копернику, и, конечно же, к ней самой, – такая церковь не имеет права на настоящую духовность. Вот какое-нибудь тайное учение, да позаковыристей… ага, одно из тех, где в лабиринте зеркал теряется четкое различие между нашим нижайшим отцом и Врагом. Духовность, чистая духовность, разреженный горный воздух Тибета… без кислородной маски, разумеется, зачем, она же и сама по себе достаточно сильна.

Ну, а если не удастся отвратить ее вовсе от христианства, заставим ее побегать в поисках «церкви, которая ей подходит». Эта оказалась недостаточно внимательной к ее запросам, в другой не хватает вкуса, третья вообще какая-то подозрительная… Пусть прыгает себе из храма в храм, из конфессии в конфессию, и нигде не находит покоя. Пусть лепит в своем воображении идеальную церковь, состоящую из одних святых, единственная цель которых – ублажать ее ненасытную душеньку. А уж к какому собранию это ее приведет, в конце концов, это ей до поры до времени знать не обязательно. Это уж по нашей части.

Была бы она мужчиной, можно было бы попробовать сделать из нее великого религиозного реформатора, создателя еще одного учения, спасительного и окончательного. Но с женщинами это редко проходит, амбиции у них лежат в другой плоскости. А уж наша клуша на такой полет точно неспособна. Ну, неважно, был бы результат, пусть ведет религиозные войны в собственной душе и собственной квартире, выйдет тоже ничего.

А если начнет догадываться, что речь тут идет не о духовности, о простых человеческих страстишках и переменчивых настроениях – закидаем ее популярной психологией. Очень увлекательное чтение! Читатели медицинских справочников находят у себя симптомы всех телесных болезней, а вот душевные болезни – это уж на счет ближнего, извольте. Пусть она проводит дни и ночи в размышлениях о психическом здоровье своего бывшего духовника и его паствы: у кого пограничное состояние, у кого маниакально-депрессивный психоз, у кого психопатический склад личности. Вот-вот, бедненькие они! Мы за них даже и помолимся, пожалеем их, они же все такие больные-пребольные, одна я здоровая, нормальная, но я же устала в этом дурдоме, я не могу постоянно их на себе вытягивать… Ага! Очень продуктивная линия. Надо обязательно побеседовать с искусителями. Кто сказал, что фарисейство обязательно должно рядиться в религиозные рясы? Отстали вы от жизни, господа искусители!

Наконец-то мне снова чертовски хочется работать!

11

Мелочи, мелочи… говорил же я им, что не бывает мелочей! Нет, все надо самому, до последнего штришка. Там, на земле, идут неделя за неделей, и ничего, казалось бы, не происходит, но медленно-медленно вызревает наша жатва. Не всегда удается решить проблемы наскоком, иногда нужна долгая, планомерная, в чем-то скучная, но совершенно необходимая работа.

В общем, я снова нанес визит нашей подопечной. В естественную среду обитания, которую нам надо сделать противоестественной и для обитания невыносимой. Люди обычно называют это «домом». Тихий семейный вечер. А кто сказал, что нужны обязательно скандалы, мордобой, вызовы милиции? Мы же не домовая общественность, в конце концов (хотя… что-то общее, безусловно, есть). Так что прихватил я своих подопечных и двинулся к дамочке домой. Как раз к моменту ее прихода со службы.

Заодно, конечно, вызвали на ковер искусителя ее муженька, стребовали отчет по форме, как положено. Как, бишь, его звали? Ну да, Виртуал. Выпендрежное имечко, подстать мерзкой его роже. Прямо название косметического салона, а не прозвище беса.

– Как я вам уже говорил, мой подопечный, – мерзко захихикал он, – человек философический. Работать по специальности не получается (если точнее, то не дают лень и необязательность), случайными приработками много не заработаешь, так что… лежит на диване, сидит в интернете, общается. Исключительно интересное общение! Я бы даже сказал, пир духа!

– Что же, он совсем не работает? – удивленно переспросил я.

– Работает, но в основном дома, – уточнил бес, – пишет статейки, в основном, что-то там переводит, не скрывая явного отвращения к источнику своего, с позволения сказать, заработка. А больше всё треплется на форумах, да вот еще в же-же…

– В чем-чем? – не понял я.

– Живой журнал! По секрету всему свету, умная физиономия, гадости про общих знакомых, любование своим пупком и всякое такое. Не верные друзья, а крутые френды, которых то включают в список, то исключают, ругаются… ну, в этом надо жить, чтобы это понять. А еще, помните, я докладывал, он на врагословском одном форуме очень полюбил бывать!

– Ты же говорил, он питает легкое отвращение к религии? – снова удивился я.

– Ну да, если бы он был действительно безразличен, тогда бы туда не ходил, – согласился бесенок, – а так он там оттягивается, сублимирует, мелко мстит мерзким церковникам, которые так испакостили ему жизнь – в лице собственной жены. Все выясняет, задает вопросы, язвительно высмеивает торопливые и самоуверенные их ответы – в общем, разводит лохов.

– Ты бы поостерегся насчет жаргона, начальству докладываешь! – одернул его я.

– Виноват, ваше низкопотребство, исправлюсь!

Бесенок вытянулся во фрунт, но я был уверен, что хвостик его за спиной совершает самые непристойные движения. Чего только не наберется в интернете эта молодежь!

– Засиделся, я смотрю, в сети, живо тебя в скит отправлю – монахов теребить!

Так я и представил себе эту картину: глухой таежный скит, монашек такой молоденький (ну, аскета-то ему не дадут, не по зубам будет), и как он будет ему внушать всякое такое… а что, пусть послужит! Ишь, пригрелся. В самом деле, уволю.

– А чего ж, можно и монахов… их на том форуме мы тоже встречали.

– На форуме? Виртуальных? – я решительно не мог ничего понять, видно, я отстал от жизни. Но нельзя, нельзя этого показывать перед подчиненными.

– А что же, и виртуальные есть, вон Прохвост одного опекает – сам удачливый бизнесмен, а в сети притворяется отцом-пустынником, игуменский сан себе придумал, народ поучает от мира отрекаться, – захихикал бесенок, – но я про настоящих, такие тоже есть. Они ж за веру

воюют! Опоздали родиться, еретиков ноне на кострах не жгут, так будем жечь глаголом, да модерировать по полной программе, это так теперь называется. У них и же-же свои водятся, и паства сетевая. Они ж по сети и епитимьи налагают, и со своими епископами ругаются… Слышал я тут об одном проекте, ряд самых-самых-истинно-верующих отделился от просто самых-истинно-верующих, так вот надумали их искусители соорудить им наскоро какую-нибудь юрисдикцию прямо в он-лайне, из сети не выходя…

– Хватит жаргона, – обрубил его я.

– Это, с позволения вашего низкопотребства, технические термины, – уточнил мерзавец.

– И терминов хватит. Я тебя не о монахах спрашиваю, подопечный твой что?

– Ну вот, виртуалит, одно слово. Правда, по хозяйству много делает – на рынок вот сегодня сходил, ужин приготовил.

– Это, конечно, досадно… – поморщился я, – а впрочем… И это будет в нашу пользу! Смотри, какая она неряха, как ей плевать на уют в доме, и карандаши его любимые она вечно таскает, а потом бросает, где попало. А он-то у нас аккуратист, все вовремя, и какой заботливый – ужин жене приготовил! Ну, а ей, ясное дело – другая сторона: пока она там в офисе гробится, деньги зарабатывает, муженек болтается в сети, непонятно чем занимается, порнуху, наверное смотрит.

– И порнуху тоже, – радостно поддакнул бесенок.

– Да если бы только порнуху, я бы тебя точно в монастырь сослал, – уточнил я, – духовное направление надо поддерживать и развивать, пусть всё будет заболтано и осмеяно, так надежнее всего запрячем подлинные слова Врага для этих двуногих. То есть, – тут же поправился я, – так мы надежнее всего осуществим контр-пропагандистское воздействие. Что же, похоже, все готов к приходу нашей лапушки, так? Вот и звонок в дверь! А теперь показываю мастер-класс, смотрите все…

Ну что за тупица, не может ключи, что ли, из сумочки достать? Надо идти ей открывать – лично? Я же занят… Ладно, ладно, открываю. Привет.

Он совсем не рад меня видеть. Горбатишься на этой работе весь день, а домой бы лучше и не приходить. Как хочется просто закрыться в комнате, полежать, успокоиться. Так нет же, этот сидит в своем компьютере. Как я вымоталась, что же мне так плохо-то… и знобит как будто… Сказать ему? Да он только разозлиться. Пойти, что ли, на кухню, чаю попить…

Ага, сумку, конечно, посреди коридора бросила. И на кухню – не разуваясь. Дождь же на улице! Полы помыть ей некогда, так даже разуться не может. Сказать? Да что говорить, бесполезно, тысячу раз говорено. Просто «есть ужин», и точка. Как же неважно она, кстати, выглядит! А вот я тут недавно видел одну…

Ага, он меня информирует. Ужин есть. Но есть он его со мной, конечно же, не захочет. И вообще показывает, какая я отвратительная хозяйка, что я его, видите ли, после работы ужином не кормлю. Ну уж мог за целый день что-нибудь состряпать, в самом деле! «Спасибо, я не голодная». Сыта по горло, это уж точно.

Ну да, моя стряпня для нее – яд. Наверное, каких-то мерзких чебуреков по дороге наелась, и дорого, и желудок себе портит. Сходить, что ли, за пивом… «Пойду прогуляюсь».

Ну да, он не может со мной находится в одной квартире. Опять пошел пьянствовать. Все деньги улетают на это его пиво. Как же я ненавижу эту проклятущую жизнь! Где только были мои глаза, когда я выходила замуж! Развестись, непременно развестись! Я хочу быть свободной. Но… я христианка. Грех мне будет разводиться. Значит, это на всю жизнь. Я должна быть с ним. Да, я буду с ним. Это мой крест. Я буду мучаться и терпеть его, какой он есть. Наказание за грехи, да.

Не могу я с ней, просто не могу. Бросить ее и уйти, куда глаза глядят. Молодая еще, найдет себе кого-нибудь. Но ведь пропадет без меня… Квартиру, имущество, все, конечно, надо будет оставить ей. Ведь однокомнатную не разменяешь. Копили, копили вдвоем, а теперь

бац… вот так все взять да и бросить… Ладно. Пивка попью, оно и отпустит, полегчает. А потом еще в чат выйду, там должны были ребята подойти после работы.

Ну вот, молодежь, учитесь! Ничего, никакого повода – а оба ненавидят друг друга, и каждый чувствует себя жертвой. Пятиминутная разминка. Устраивайте им такое каждый вечер, даже без скандалов, без громких поводов для развода – и через десять лет будет у каждого безупречная причина сказать, что жизнь испорчена, что не жили, а так, существовали.

Что говорите, как насчет ребенка? Ну, чтобы был ребенок, этим двуногим надо бы лечь в постель, иначе они не могут. Что поделать, плотские существа. Да и вообще они зависят от своих гормонов куда сильнее, чем привыкли думать. Так что многое у них бы изменилось, если бы они просто, без затей, вспомнили, что они желанные друг другу мужчина и женщина, или хотя бы были ими совсем недавно… Не допустим!

Да и вообще – ничто настоящее не должно сейчас врываться в их жизнь. Пусть мучаются своими надуманными проблемами, высосанными из пальца конфликтами. Раньше? Да, раньше я желал для нее ребенка, чтобы она его хорошенько повоспитывала, посмиряла так славненько. Теперь… нет, теперь нам это ни к чему. Мы же к чему стремимся? Не к решению демографических проблем, а к поиску пищи. Вкусной и здоровой пищи…

Ну вот, муж ушел, сидит наш полуфабрикат у кухонного окна и горюет. Вот и подруга позвонила. Ну, телефонная работа – это для начинающих искусителей, тут мне негде развернуться. Так что понаблюдаем, как эта чертовочка с аппетитными копытцами, Притворяла, все расставит по своим местам. Поныть о тяжкой своей судьбе, чтобы пожалели несчастненькую, поругали гадкого мужа (это уж как наркотик, без этого не можем), да заодно перемыть косточки всему свету (этого уж и сами не замечаем), и все так нарочито, а про себя: «какая же она все-таки дура, эта Алка…» Мелочь, а все-таки приятно.

Серенький осенний дождик за ее окном, такая же серая, унылая реальность. Мир, в котором как будто и нет Врага. Но это только так кажется. Лишь бы не ворвалась в нее сейчас настоящая радость или боль, только бы не развеяла морок!

12

Молодым искусителям надо говорить откровенно: не все события из жизни наших подопечных бывают приятными, но все события мы при известной увертливости можем обратить в нашу пользу. Прошел еще месяц земного времени, когда я вдруг узнал, что наша подопечная нашла для себя новую христианскую общину. В той же деноминации, но совсем, совсем другого толка – прогрессивную, современную! Ну вот, замечательный для меня шанс, просто отличный. Собираем нашу комиссию, шлем вызов Притворяле.

– Ну что же, искусители, прохлопали? – так открыл я заседание. Надо, надо их иногда приструнить. В этом управлении так принято, у них это называется, кажется, «крепкий хозяйственник». Только вот лексику крепко-хозяйственную еще не всю изучил, главное, плохо помню, как эти слова по-русски пишутся – все больше в устном варианте их встречать приходится.

– Снова в церковь стала наша дамочка захаживать? Что, Притворяла, нравится? так-то вот! Всему-то вас учи, все для вас делай. Ладно, объясню, как быть.

– Если позволите… – заныла Притворяла.

– Не позволю, – оборвал ее я, еще не хватало, чтобы она сама высказала мой гениальный план, – напозволялся я с вами тут! Так вот, даю указания. Слышали анекдот про двух евреев на необитаемом острове, которые построили три синагоги? Ну вот русские, оказывается, тоже про себя его рассказывают. На этом и будет строиться наша политика. Будем формировать из нашей дамочки яростного борца с предрассудками и мракобесием – то есть с собственным прошлым. Пусть она ведет церковь к сияющим высотам либерализма, плюрализма и толерантности, а мы уж позаботимся, чтобы потолерантнее эта церковь относилась к нам лично, а вовсе не к своим собратьям-мракобесам. Особенно хорошо будет, если удастся ее раскачать на мемуары, как ту даму, что написала не так давно целый сатирический роман о своем было духовнике, и о прочих разных деятелях… Да-да-да, тот самый, у нас в аду он был хитом, если помните.

Впрочем, для этого нужно литературное дарование, которого у нашей лапочки, кажется, не наблюдается. Ну ничего, пусть займется активной общественной деятельностью. Это тоже очень полезно. Вы говорите, она снова стала уделять время молитве? Это, конечно, хуже. Но ведь и молитва бывает разной! Пусть это будет маленькая производственная летучка с Врагом: поблагодарить его за помощь в истекшем периоде, наметить задачи на будущее, напомнить Ему, что Он должен сделать лично для нее и для всех окружающих. Такая молитва практически безопасна для нас: Враг низводится на должность личного секретаря.

Впрочем, не могу скрыть: Притворяла меня приятно удивила. Есть, оказывается, в этом их эсенгешном управлении свои наработки…

– Я решила использовать, – самоуверенно заявила она, – старинную привычку российской интеллигенции не доверять любой власти.

– Ну, это не ты, – тут же влез какой-то замшелый и нервный бес, как оказалось, куратор руководителя их кружка, – это я до тебя выдумал!

– И вовсе не ты! – парировала Притворяла, – ноу-хау уже давно существует, и никто не мешает мне его еще раз выдумать!

– Цыц, – угомонил их я, – мы такими штучками еще в эпоху Реформации баловались, как минимум. Ну и что?

– А то, – радостно залопотала Притворяла, – что моя лапушка теперь ни за что не будет доверять начальству церковному. Нет, ну конечно, там по нашему ведомству много чего водится, – гадостно захихикала она, – но в том-то и трюк, чтобы научить ее отвергать не грех, а грешника. И какого грешника! Корпоративного! Епископат называется. Совсем нетрудно, между прочим. Просто подсказать ей, что епископат в этой ее церкви поголовно завербо-

ван КГБ, запятнал себя сотрудничеством с атеистами. Кто слишком молод, чтобы лично оказаться коллаборационистом, тот, соответственно, объявляется их прямым и непосредственным наследником. Они, дескать, его посадили, чтобы он их старость покойную охранял. Ну, или на худой конец объявим молодых епископов порождением нынешних темных сил, прислужниками нынешнего режима. Тем более, они и сами дают к тому кучу поводов.

– Все-то вы в политику норовите, – недовольно пробурчал я, но на самом деле выдумкой остался доволен. Надо не забыть приписать ее себе. Впрочем… она же говорила, что это давно изобрели, так что ладно, пусть балуется.

– Конечно же, при таком раскладе, – продолжила Притворяла, – все, что исходит сверху, вызывает недоверие и отторжение. Нет, ну конечно, из повиновения никто из них явно не выходит, но так даже лучше, чем открытый раскол. «Внутренняя эмиграция», называется это у них. А любое повеление сверху – просто происки темных сил, ну вроде как нас с вами, – снова захихикала она, – и объясняются они даже не глупостью человеческой, а прямо-таки нашей волей. Вот так и приучаем мы их бороться с нами в лице собственных епископов, – подвела она итог.

– Симпатичная комбинация, – похвалил ее я, – но не слишком ли глобально? Епископы далеко, надо работать с ближним, между прочим.

– О, конечно! – с готовностью отозвалась она, – ближние, это которые в другие храмы той же конфессии ходят, это в массе своей темные, неграмотные люди, не получившие в свое время должного образования! Умолчим о том, что такое на самом деле это ее образование – десяток прочитанных и слабо усвоенных книжек, но книжек совсем, совсем другого направления, чем раньше! Раньше она читала, кому молиться от тараканов, а кому от зубной боли, а теперь, извольте, о синагогально-синаксарной экклесиологии! Еще б она понимала, что это такое. Но чуть что не по ней – так «это синагогально-синаксарная экклесиология», и ведем с ней решительную борьбу! Ненасытная, неутолимая борьба – ведь это так по-нашему.

– Не забывай, – уточнил я, – что перед нами все же женщина. Она не так склонна к рациональным схемам, как мужчины, к тому же тебе попалась особа довольно чувствительная. Так что пусть она даже немного путается в этих терминах, не страшно. Главное – «обличать этих, которые…» Это тебе не мелкие собственные грешки, которые всегда легко извинить и объяснить, тут борьба за спасение церкви, тут уж никаких компромиссов! И пусть она всем заявляет о своей непримиримой позиции, пусть даже статейки публикует. Вот, например, недавно умер (тут я невольно поморщился) один великий воин Врага. Да уж, представляю, как хрустел на зубах коллег его персональный искуситель… Впрочем, я не об этом. Пусть напишет некролог! Да о чем! Не о нем, конечно. О тех, кто не оценил его при жизни. О тех, кто не молился о нем после его смерти, и почему не молился. Пусть будет понятно, что сама она с ним на короткой ноге (неважно, что никогда его не видела), что ей точно ведомо, кто, кому, как, когда и о ком может и должен молиться. Пусть и этот переход в другую жизнь (я снова скривился), пренеприятнейшее для нас известие, станет только поводом для раздувания взаимной вражды. И так буквально во всем!

– А что с личными грехами посоветуете, ваше низкопробство? – подольстилась Притворяла. Знаю-знаю, хочет на меня ответственность перевалить…

– Тут есть два пути, деточка, – ответил я, – ровно противоположных, так что выбирай сама. Ты же знаешь, свободный выбор – основа нашей работы. Ну, первый вариант – традиционный: строгий аскетизм, приправленный злобой ко всему, что живет сытно и спокойно. Ты не представляешь себе, до какой степени раздражения может довести человека элементарный голод и недосып (назовем это постом). Как раз на плохое самочувствие она что-то у нас стала часто жаловаться… А они-то, они-то за обе щеки наворачивают, да на перинах нежатся! В общем, это все в начальных классах ты наверняка проходила.

Но у них ведь на дворе просвещенный, либеральный век, так что есть и альтернатива – отбросить все эти средневековые строгости, устаревшие понятия. Прежде она изнуряла себя строгими постами, теперь пусть на глазах изумленной церковной общественности скушает котлетку-другую прямо на Страстной неделе, мол, не пища нас оскверняет. И в остальном точно так же. Да, конечно, Враг там чего-то говорил насчет прелюбодеяния, но если люди любят друг друга – тут ты можешь ей подыскать какого-нибудь симпатичного товарища по борьбе за светлое будущее одной, отдельно взятой конфессии – что же им теперь, быть врозь? Нельзя же все понимать так буквально! Не в том же суть, главное – чистота рядов, а этот грешок так мелок и извинителен…

В общем, смотри, к чему она больше склонна – к строгости или к мягкости. Можно чередовать, так еще лучше. Главное, чтобы она была строга к другим и снисходительна к себе, и все, все списывала на противостояние «наших» и «ненаших». Чем яростнее борьба с «ненашими», тем вольготнее будет тебе самой – тебе сопротивляться уже и руки не дойдут, в них флаг полощется, а на шее барабан висит. Синаксарный там или уж какой – не вижу разницы.

И пусть она подходит ко всякому человеку, особенно к ближнему, к товарищу по вере, со своим готовым шаблоном. Мужчины пусть общаются на уровне формул, словесной эквилибристики, твоя роль куда пикантнее и соблазнительней. Пусть она ожидает от каждого встречного каких-то особых, тонких ощущений. Если вдруг они у нее возникнут – всё, наш человек, друг, брат и учитель. Если нет – то берегись… А лучше всего, если сначала возникнут, а потом пропадут. Такое вообще не прощается. За такое убить мало. И пусть ни в коем случае не догадывается, что ощущения эти возникали в ее собственной голове, не в реальности, что всякий человек намного сложнее и глубже всего, что пришло ей в голову по его поводу.

И все-таки, девочка, не обольщайся. По краю ходишь, по краю. Все-таки это в церкви. Будь она политиканом, деятелем феминистического движения или борцом за права животных, все эти милые шалости были бы куда невиннее. Но ты играешь с огнем. Помни. Все, иди, работай.

13

Итак, всего-то за пару земных месяцев жизнь нашей дамочки круто изменилась – она стала самой активной христианской. Нет-нет, как это ни мерзко, это еще не самое страшное. Напротив, это же шанс, мой шанс… Я покажу им, что такое высший класс – как провести свою жертву через церковь, и не опалить копыт!

Активная прихожанка, редактор какой-то там газеты… Ну да, таинства, службы, это все есть, как же это, как же это жжется… ну, неважно, это проблема рядовых искусителей. Но мой гениальный план уже начал сбываться! Активнейшая общественница – тут у них, в эсенгешном управлении, опыт богатый, партийно-комсомольская работа это раньше называлось. Что вся эта деятельность была направлена не за, а против, это и так понятно. Ну не лыком же мы шиты, в конце концов! Против косности (так мы назовем здоровый консерватизм), против буквализма (стало быть, против ясно выраженной воли Врага), против чинопочитания (а это, конечно, вожди Его воинства). Нет, нам еще не до конца удалось переубедить ее, придать словам нужное значение, но мы определенно работаем в этом направлении. «Я знаю, как надо!» – это замечательное выражение уже, по сути, становится ее девизом.

Человек, любой человек, который оказывается перед ней – это теперь уже не таинство, это объект научения, исправления, воспитания. Дырка от бублика. Вот оно, наше начало! Это Враг пусть возится со своими подопечными, пусть повторяет об уникальности и неповторимости каждого. Мы-то знаем, что всех, всех надо будет привести рано или поздно к общему знаменателю, пучок укропа в зубы и на праздничное блюдо. И всякий, кто начал приводить к общему знаменателю своих ближних – наш первейший помощник. Кого не приведет, тех по меньшей мере напугает, тех заставить отвергнуть суровую строгость Врага, перепутать свободу со вседозволенностью.

Ненавидь грех и люби грешника, учит своих последователей Враг. Ну-ну. Посмотрел бы он, как это у них получается, и где на самом деле исполняется этот принцип! В аду, где ж еще. О, как ненавидят грех те, кто маринуются в наших бочках – до дрожи, до омерзения, до зубовного скрежета. Ненавидят – и не могут расстаться с тем, что стало уже стержнем их натуры. И где же любят грешничка, как не у нас – сладенького, свеженького, такого аппетитненького!

А у них что? Вялая, серая безразличность. «Я никого не осуждаю» переводится с их языка как «мне на всех наплевать». «Мы одна семья и любим друг друга» значит «ну да, мы прочли в книжках, что так должно быть, и теперь назвали свой вялый и мимолетный интерес любовью, и делаем вид, что уже достигли вершин». Но самое-то главное – те, кто знает, как надо! У них давно готовы ответы, написаны программы, заведен распорядок службы, жизни и мысли, и теперь Враг для них – ссылка, авторитет, инструмент. Вот оно, главное. Вот оно, наше.

И еще, маленькая такая деталька… Раньше она все «святой Русью» любовалась, лубочной, глазуновской – там быть русским и означало быть святым. А теперь уж, извольте, разворот на сто восемьдесят градусов: несчастная «эта страна» с неправильным народом, искаженной религией и уродской историей, страна, в которой «никогда-ничего-хорошего». А то и в эмиграцию ее отправим, чтобы она там и прежнюю родину грязью поливала, и новую, еще пуще.

Но даже не общественная деятельность здесь главное! Дома – вот где стало у нее устраиваться совсем по-нашему. То есть по-моему, по-моему, да, а то что эти болваны понимают! Тут у них тихая взаимная ненависть и презрение. Он, утонченный и образованный человек, и она, напористая, напыщенная, самоуверенная.

А еще эта властная мама, которая все звонит и проверяет, куда кто пошел, кто чем обедал, и совершенно не интересуется существенным – так ей в лоб проповеди нашей милой христианочки, проповеди со властью, с силой, с убеждением. Стань такой, какой я хочу тебя видеть. Не Враг, а я, я, я! Какой упоительный гимн… Она не помощник Врага на этой земле, она

Его заместитель. Не окно, пропускающее Его свет, а подробная инструкция с описанием этого света. Одно удовольствие с такими работать.

А дальше… Вот появился на горизонте и тот самый понимающий человек. Из той же общины, из той же газеты. Тактичный, умный, такой, такой привлекательный… Нет-нет, ничего особенного, только братские отношения! Она, конечно, даже не думает, что мимолетная постельная измена мужу была бы в чем-то проще и легче, чем вот такая – интеллектуальная и эмоциональная, но зато глубокая, со смыслом, с интересом, со страстью… Платоническая, вот как они это называют. Придумали тоже, при чем тут Платон?

А дальше – дальше все уж расписано наперед. Романтические встречи, свидания под маской борьбы за что-то духовное… Ну, про плотские искушения и так все понятно. Пусть тешатся они своей высокой духовностью, а гормончики-то тем временем поигрывают, ласки-то хочется, как ни крути. Но и это здесь – только инструмент. А дальше – непонимание и грубость нового духовника (так мы назовем его принципиальность). Горячо любимые братья и сестры обернутся отвратительнейшими ханжами и фарисеями: опознавательная система «свой – чужой» сработает пару раз наоборот, и откроют по ней огонь из всех стволов, правду-матку в глаза, принципиальная братская критика – ну, это в эсенгешном управлении хорошо умеют.

И всё… и поплыла наша христианочка в свободный дрейф. Та, первая община, оказалась не того идеологического направления, у нее раскрылись глаза на всё их мракобесие. Эта, новая, окажется лицемерной и нетерпимой, и снова раскроются глаза. И пойдет она по белу свету пробовать на зубок разные конфессии, искать ту, которая точно по ее мерке будет, где примут ее с распростертыми объятиями, ничего не захотят в ней переделывать, а поймут и оценят ее такой, какая она есть. Есть такая община, и вы ее знаете! Это у нас. Слава аду, не заведено у нас жаловаться, что новоприбывшие слишком худосочны, да грешки у них слишком заурядны, да душонки мелки и невонючи. Что ни есть в печи, всё на стол мечи, велит нам наш вечный, здоровый голод. Так что должен окончиться у нас этот дрейф не где-нибудь, а у нас.

Ну, а по дороге можно неплохо поразвлечься, проталкивая ее сквозь кучу самых разных общин и конфессий. Та слишком авторитарна, эта, напротив, охотно венчает гомосексуалистов. Эта не спешит модернизироваться, а та уж в конец обмирщилась, превратилась в клуб по интересам. Эта молится на непонятном языке, а та под видом гимнов поёт пошлейшие попсовые песенки. И главное, людишки, людишки-то всё какие-то неприятные, мелочные, глупые, злобные, исправлению совершенно не поддаются… Куда ей таких! Ей ангелов подавай в братья-сестры. А еще лучше – буратин длинноносых, она сама их обстругивать будет на свой вкус, или на дрова рубить, уж как заблагорассудится.

Хороший план, ничего не скажешь! Одна только какая-то неувязка, мелочь, а все-таки беспокоит – не случилось бы чего…

В тот день у них как раз было заседание редколлегии, верстали новый номер. Самое оно, после длинного и утомительного рабочего дня в конторе такой же длинный рабочий вечер на частной квартире, и семью побоку, ибо долг зовет, ибо не все еще просветились и не все признали нашу правоту…

Ну, рассмотрели одну статейку, другую. Ту вон отвергли – хоть и толковая, и интересная, и автор пишет замечательно, да вот, к сожалению, недостаточно в ней обличаются уклонизм-мракобесие… а вот эта вот политическая агитка вполне выдержана, ее на первую полосу. Тут уж всем вмазали! Всем прописали ижицу! Особенно, тем, которые… ну которые вроде как наши, но на самом деле не наши, потому что борются за нас недостаточно последовательно, обличают наших врагов недостаточно бескомпромиссно, и вообще невесть о чем думают. Пора бы им уже определиться, в самом-то деле!

Странно, почему мне почудилась у них на головах такая шапка островерхая, с красной звездой, и еще большой пистолет на боку… Ах да, это из той редакции, которую мне довелось посещать году этак… да, да, году этак в 1920 по их исчислению. Мы тогда так помогали им

раздувать мировой пожар на горе всем-всем-всем, и не только буржуям. Что-то определенно мне об этом славном времени напомнило. Та же деловитость, боевитость, те же беспринципность и компромиссность… то есть наоборот, принципиальность и бескомпромиссность. Или все-таки так? Ну да, это смотря к кому как. Одним боком к чужим, другим – к своим.

А еще есть там одна замечательная мина замедленного действия. Ну, отрицательная-то программа у них у всех совпадает, может, только в деталях отличалась – кто самый большой враг. А вот положительная… ну да, говорят они примерно одни и те же слова, восхищались своим замечательным братством. На деле-то у каждого свои планы, в Наполеоны каждый сам метит – на худой конец, если не себя, так любимца своего протолкнуть. И уже заранее ясно: как только кончится обличение, как только надо будет что-нибудь полезное, наконец, сделать, тут и пойдут ссоры-раздоры, да какие! Это уже предательство общего дела, если твой друг и собрат глядит на какую-то проблему совсем не так, как ты, разве нет? Вы же все с самого начала именно вот это и вот это имели в виду, а теперь оказывается, что он не в ту сторону смотрел? Так он от врагов засланный, наверное, или сам на их сторону переметнулся! И она вот тоже, раз ему сочувствует. И вообще все они предали общее дело!

Я уже заранее предвкушаю это пиршество духа – духа скандалов и самолюбования, я имею в виду. Оно должно наступить с неизбежностью заката, и пусть они пока наслаждаются своим мнимым рассветом, тешат себя иллюзиями, что это навсегда… Но что все-таки надо было там этому старику? Я вдруг опять учуял его запах. Легкий такой, но слишком хорошо узнаваемый. Слишком. Такой я не спутаю ни с чем!

А когда я снова смог… ну в общем, сосредоточился на происходящем… наша дамочка валялась в обмороке. А вокруг нее суетились эти отвратительные двуногие. Как все-таки мерзко, что нам приходится питаться душами существ из плоти и крови! Их телесность бывает иногда сущим наказанием. Ты решаешь с ними чисто духовные вопросы, а они бац – и в обмороке! Ты собираешься спасать все человечество, а они начинают бегать вокруг этого мешка с костями и кишками, брызгать водой, вызывать скорую… Зачем? Бросьте ее, там человечество погибает, там церковь нуждается в ваших решительных и неуклонных действиях по ее спасению! Ау!

Ну, в конце концов, обморок и обморок… Я и значения сначала не придал. Ну нервы по пустякам, недосып, скверное питание – все это искусители, конечно, постарались организовать, это хороший фон для настоящих духовных искушений. Она в последнее время постоянно и на слабость жаловалась, и температурка скакала… Ну, кое-как привели ее в порядок, с трудом, правда, и скорая приезжала, и отвезли ее потом на машине домой, зелененькую. Муж даже переполошился, вышел в реал, в аптеку сбегал.

Но… потом еще один такой случай на работе, и еще… Это стало повторяться. Я даже посоветовал немедленно заняться поисками хорошего врача – пусть пожалеет себя как следует, пусть пораздувает липовые болячки, заставит всех покрутиться около них… В общем, под моим чутким руководством Притворяла погнала ее к врачу. И к хорошему! И с анализами. Будет, над чем поработать.

14

Как же мы это с ней упустили? Как могли? Куда смотрели искусители, да и весь их религиозный сектор? Ну и что, что не по их профилю! Такое – и проворонить… Все, вроде, шло по порядку. По моему плану. Не иначе старик тот подгадил, который в бушлате. Кому ж еще? Как я был слеп! Впрочем, что это я. Разумеется, я был прозорлив, и решил сразу проверить состояние ее здоровья. Как жаль, что нам, бесам, не полностью бывает доступны сведения о подопечных, нужно потребовать решительных прорывов от отдела новых информационных технологий.

Ну, проверили. Удар был страшен. Этот комок плоти, это несчастное двуногое, этот инкубатор для нашего праздничного блюда… я даже не хочу повторять диагноз… Какая несправедливая игра! Какой испорченный праздник! Все планы прахом, и надо срочно, срочно что-то решать… Врачи забегали, и анализы перепроверили, и в больнице подержали, но все сошлось. Так и определили – уже последняя стадия, прогрессирует семимильными шагами. В общем, остается ей максимум полгода земного существования, да и то навряд ли.

Притворяла, конечно, не упустила своего шанса насладиться ужасом, растерянностью… человеческое, все это слишком человеческое. Приятное, не скрою, но естественное. А то, что естественно, еще не может служить нам пищей. Нужно, чтобы из природных склонностей человека возникло волевое усилие, чтобы он осознанно или неосознанно сделал выбор, и чтобы выбор этот был нашим. От крика боли, от случайного испуга немного проку. Я, разумеется, обратил на это ее внимание.

Да, нашим планам относительно нее не суждено сбыться. Но суждено ли сбыться планам Врага? Тоже, нет, похоже – не успеет Он сделать из нее великую воительницу. В наших поединках не существует такого понятия, как «ничья», победить может только одна из сторон. Но если что-то пошло не так, оно и для Врага будет не так. Его ли воля в том, что происходит с ней? Закон ли природы? Не знаю, не знаю… Трудно это объяснить, даже нам, почему тот или иной человек совершает свой переход в тот или иной момент. Главное для нас – как он его совершит.

Так что, сказал я, хватит паниковать. Работать надо. Из состояния равновесия выведены не только мы, то есть они, младшие искусители, но и сама наша подопечная. Да, теперь уж не получится устроить все так, как я задумывал. Но и ее планы летят к кошачьим ангелам. Не будет, ничего не будет уже здесь, кроме боли, страдания, крика и самого, самого страшного для этих двуногих – врат, через которые проходят все они и о которых так старательно пытаются не думать. Не без нашей помощи, конечно.

Вот с этого и начнем. Это не она, это ошибка в диагнозе, нелепость. Реальности нет, потому что она слишком страшна. Вместо реальности – рамка от раздавленной картинки собственной жизни, которую она так старательно рисовала. Пусть как можно дольше она сопротивляется, не верит… Пусть помогают ей в этом родные, пусть говорят сладкую, желанную ложь, что все будет хорошо, что никто и никогда не уходит из их земной жизни, и уж во всяком случае не она, не сейчас, не от этого…

Гони, гони до последнего мысль о смерти, иначе, сама понимаешь, трудно тебе будет выздороветь. Не время сейчас для исповеди, никак не время, да и место какое неподходящее. Да и кого звать? С прежним духовником давно уж нет общего языка, новый священник слишком занят, первого попавшегося тоже не позовешь, как ему расскажешь.

Надолго этого не хватит, разумеется, но это для нас – только авангардные бои, только способ заранее измотать силы Противника. Придет момент, когда она сама откажется от спасительной лжи, и не помогут самые убедительные слова родных. И что тогда?

А вот тогда – главное, решительное сражение. Одно. Последнее. Но если мы выигрываем его, мы выигрываем войну. И позиции наши хороши, как никогда. Посмотри на свою жизнь, девочка. Что успела ты сделать? Ничего. Ты не раскрыла своих возможностей, ты едва начала жить, ты только-только пришла к Врагу, едва-едва начала работать на Него – и где награда? Ну, допустим, награду ты не заслужила, как вы там привыкли повторять (хотя кто из них на самом деле такое про себя думает?), но где элементарная жалость, сочувствие? Кто Он такой, этот твой Враг? Коварный, капризный деспот, который не дает тебе пожить в свое удовольствие (и в наше, заметим, тоже), который требует от тебя немыслимого, а потом просто ломает тебя, как ребенок – игрушку.

Нет зла страшнее, чем уход из вашей земной жизни, ведь так? Тебе нельзя убивать – а Ему можно? Ты даже не о себе будешь плакать беспросветными больничными ночами, корчась под липкой простыней от невыносимой боли. Ты будешь плакать о детях Освенцима и стариках Гулага (нет, это я зря упомянул…), о сожженных катарах и старообрядцах, о всех, кого замучили ради этого Врага, кого замучил, по сути, Он Сам.

Не нужен тебе Он такой, девочка. Даже если Он есть. Вернее так, Он есть, но Он жесток, капризен и несправедлив, чудовищно несправедлив. Почему ты? Почему не та зажившаяся твоя троюродная тетка, без мужа, детей, с несносным характером, от которой осталась бы такая лакомая квартирка? Почему не тот инвалид из соседнего подъезда, который не встает с постели восьмой год, за ним выносят судно, а он сам наверняка давно молит Врага об уходе? Почему ты – сильная, молодая, здоровая, преданная Ему всей душой? Задумайся об этом.

Сотри разницу между врачом и шаманом. Пусть муж едет к ламам и экстрасенсам, поит тебя заговоренными травами и бьет в бубен. Пусть, в конце концов, продает квартиру, потому что денег на эту братию у него не хватит. Никакая цена не будет слишком высокой за спасение твоей жизни. Нет, ты не требуй, ты даже откажись от его жертвы, но просто расскажи, чтобы он знал и все знали: есть там за семью горами чудо-целитель, мертвых поднимает, только вот дорого берет, а на однокомнатную, кстати, покупателя найти легче легкого… Продаст ли квартиру за колдовской пшик, или оставит на себе эту вину, что жене на лечение денег пожалел – не так даже и важно.

Да, ведь будет жить он, твой муж, это ничтожество. Он вздохнет с облегчением, заведет себе новую девицу, или даже не одну, он будет просто счастлив избавиться от тебя. Да и на работе обрадуются. Конечно же, они сразу уволят тебя, кто же будет оплачивать такой бюллетень, и возьмут кого помоложе-поперспективнее-посимпатичнее… Всем, всем ты мешаешь. «Отряд не заметит потери бойца». Уйди от них с обидой, с чувством собственного достоинства. Прокляни их на пороге.

А с Ним… ну, попробуй с Ним договориться. Последний раз. Пообещай Ему что-нибудь пафосное такое, несусветное, на Джомолунгму босиком, если только Он оставит тебя в живых. Не для себя ведь просишь, для дела, для Его дела, для этих ничтожных людишек. Стребуй с Него гарантий, Он же должен, слышишь, Он должен тебя спасти! Да нет, не в этом смысле… от страшной болезни. Он же обещал, чудеса там всякие, всё такое. Требуй! Себе, про себя, для себя!

А когда ничего не выйдет по-твоему – прокляни и Его тоже. Вот оно, наше решение, наш ответ.

Я проникаю в эту серую палату, где лежит на каждой койке лучшее, несомненнейшее доказательство превосходства нашей бестелесности – страдающее смертное тело. Этот дежурный мертвенный свет, и такая же дежурная тоска, и обида…

Почему здесь он? Ее муж? Он же должен сидеть в интернете? Разобраться с его искусителем, и немедленно. О чем он вообще говорит? «А помнишь, как тогда…» не было, не было этого, а если и было, то теперь уже нет, теперь боль, мрак, страх. Больше ничего. Твое тело само пожирает себя, это Он так устроил. Откажись. Плюнь.

Как трудно здесь дышать… как невыносимо… сколько молитв самых разных людей сплетаются в полог над ее кроватью… какой отвратительный запах от этих дорогих лекарств, их купил едва знакомый человек… а еще от этой крови, которую сдавали для нее коллеги по работе, школьные друзья – зачем? Сколько, сколько недежурного света, отовсюду… Режет глаза. Я не могу так работать. Это нечестно. Что же, мы получим ее и потеряем десятки других людей? Я не согласен! Но вот эту, ее я отпустить уже просто не могу. Она моя, моя, моя!

Зачем она улыбается, что она сейчас говорит? Почему считает, что кому-то здесь хуже, чем ей? Как она смеет помогать другим? Старик, старик в бушлате – зачем он здесь?!

15

Прошел ведь уже год земного времени с тех пор, как мы выбрали ее в качестве объекта воздействия. Целый год. Кто, интересно, так меня подставил? Не может быть, чтобы я сам. Найти, найти виновного, и покарать! Это интриги, я доподлинно знаю.

Я даже не хочу описывать, что там творилось, в ее палате. Земной мир вставал перед ней во всей беспощадной наготе и открывал окно в мир духовный. Она задыхалась, она рвалась, она пыталась укрыться одеялом былых представлений, тешиться погремушками прежних дел, грезить давно уже неосуществимыми планами. Мы так хотели ей в этом помочь… Почему умирающим можно опиум, а это – нет?

Несправедливо! Если Он убивает – пусть убьет ее сразу, одним ударом. Почему Он дал ей столько времени на переход? Почему дал ей примириться с ближним и дальним? Почему я и близко не смог подойти к последней исповеди, вырывавшейся из хрипящего горла за несколько дней до того, как…

…как он взял ее за руку, все в том же ненавистном бушлате, и для нее не стало боли, не стало мрака, и даже те длинные, подробные счета, которые ползавшая под ногами старика Притворяла все пыталась предъявить, почему-то совершенно не брались в расчет, и в море ослепительного света даже не разглядеть было ее каракулей.

Ладно. Хватит об этом. Просто невыносимо, в конце концов.

А главное, главное! Меня, звезду искусителей, Балабола Великолепного, переводят на, как они это назвали, «творческую работу». В главное управление глюкографии и бредоведения, подумать только! Писать сценарии для наркоманов, шизофреников и особо продвинутых эзотериков. Ссылка, настоящая ссылка. Ничего, я еще поднимусь, я покажу себя! Буду тщательно изучать материальную часть. Вот, кстати, хороший справочник по фармакологии… сравнительный анализ конопли из Чуйской долины и степей Северного Казахстана… Собрание сочинений Блаватской… Теоретическая подготовка всегда была моей сильной стороной.

Обязательно засяду за эту литературу. А пока хотя бы поем холодца…

Письма спящему брату

Предисловие

Как родилась идея этой книги? Сначала я написал «Записки Балабола» – продолжение гениальных «Писем Баламута» К.С. Льюиса. Это был дневник беса-искусителя, занимающегося своим делом в современной России, во многом шутливый, но отчасти серьезный. Говорить об аде совершенно всерьез было бы просто жутко, да и нет у меня такого опыта, но зато вполне можно было расставить некоторые вешки на наших повседневных тропках: осторожно, если идти в этом направлении, рано или поздно тебя обступит тьма.

«Записки Балабола» вышли, вызвали некоторое количество отзывов – и просьб о продолжении. Но продолжать писать от имени беса мне не хотелось совершенно: да, форма эта почти беспроигрышна, так можно обличать пороки ближних и несовершенство общественного устройства почти бесконечно, но где-то надо остановиться. Вот если бы можно было взглянуть на человеческую жизнь глазами ангела… Нет, такого я написать просто не мог, это я понимал совершенно четко. Если на страницы выходит невсамделишный бес (а такой, конечно, только и может выйти, иначе бы каждый из нас содрогнулся от отвращения на первой же странице), это всего лишь ослабленный штамм бактерии, прививка от болезни. Но ослабленный ангел?!

А потом… В какой-то момент, размышляя о собственной судьбе, я вдруг четко осознал, какого посмертия я желал бы сам для себя. И тогда я его постарался представить и выразить в словах, я начал описывать человеческую жизнь глазами человека, как от века и пишутся книги. Единственная особенность в том, что человек, от имени которого ведется рассказ, уже перешел ту грань, которую всем нам только предстоит перейти.

Впрочем, эта книга вполне самостоятельна. Не обязательно читать перед ней «Записки Балабола», а тем, кто их прочитал, не стоит ожидать прямого продолжения уже знакомого текста. Это действительно совсем другой взгляд.

Я понятия не имею, соответствует ли мой вымысел хоть каким-нибудь посмертным реалиям. О них мы знаем крайне мало – только самое-самое главное, поэтому остальное приходится домысливать и воображать. Наверное, стоит сказать еще одну банальнейшую очевидность: эта книга не претендует на статус пророчества – в уста своих героев я вкладывал собственные мысли (а еще чаще подсказанные или услышанные у других), которыми мне хочется поделиться с читателем. Многие из этих догадок наверняка выйдут неверными, и уверен я только в одном: всё прекрасное будет там неизмеримо прекрасней, чем мы себе представляем, а многие наши нынешние оценки изменятся.

Эту книгу я посвящаю своей маме. Вскоре после того, как книга была написана, начался мамин уход, и это были очень трудные, но и удивительно светлые месяцы, когда мы снова стали так близки, как бывали прежде только в раннем моем детстве. Ее уход стал началом нашей встречи, и теперь остается верить, надеяться и ждать Встречи окончательной и бесконечной. И тех, кто к такому привычен, я прошу помянуть среди ушедших и ее – Светлану Степановну Десницкую.

Живите в доме – и не рухнет дом. Я вызову любое из столетий, Войду в него и дом построю в нем. Вот почему со мною ваши дети И жены ваши за одним столом, – А стол один и прадеду и внуку: Грядущее свершается сейчас, И если я приподымаю руку, Все пять лучей останутся у вас.

Арсений Тарковский

1

Мишенька, здравствуй!

Как хотелось бы мне сказать тебе эти слова лично, и крепко обнять тебя, как это бывало у нас тогда, и как потом, мы, кажется, разучились – но пока мне остается только ждать, когда это может произойти. Я знаю, что ты не уснул – ты просто дремлешь, тебе грезится прошлое, ты перебираешь мысли и чувства, ты тоже готовишься. Просто у всех свои скорости и свои характеры – вот кто бы мог подумать, что здесь я окажусь шустрее тебя? Ты ведь всегда звал меня недотепой.

Я и есть недотепа, Мишка. Все та же, как в пять лет, когда уронила кувшин с молоком, и смотрела, как разливается белое пятно по пахучим сосновым доскам пола, перемешиваясь с солнечным светом – помнишь, на даче, у Сокольничей рощи? – так стояла и смотрела, замерев от красоты мира и собственной неловкости. Я все такая же, правда. Ты же не станешь думать, будто я хочу похвастаться: мол, пока ты спишь, я тут…

Просто хочу тебе рассказать о себе. Я верю, что ты очнешься от своей дремы, и мы будем говорить столько, сколько потребуется, ведь впереди у нас будет вечность, но сейчас ты не бодрствуешь, и я ничего не могу с этим поделать. А когда ты проснешься, я буду уже другой, мы ведь постоянно меняемся, и наш переход сюда, наша смерть – далеко не самая последняя перемена. Может быть, тебе будет радостно узнать, что происходило со мной, пока ты спал.

Мы и здесь не можем полностью отвлечься от этого земного времени, хотя оно уже утрачивает свою власть над нами – может быть, и могли бы, если бы не любили никого и ничто на земле, а так у нас не получается. Вот и летаем мы над собственным прошлым, как птицы над землей, высматривая и милые сердцу минуты, и страшные, черные провалы… Если увлечься полетом, можно задремать, как случилось с тобой. Что тебе грезится сейчас? Наверное, наш предрождественский Столешников, огни витрин, скрип снега и звонки трамвая, и как вносят с мороза елку, а Груня сердится, что хвои натрясут, но ничего не говорит, а мама беспокоится, чтобы не застудили детей. А дети, то есть мы, стоим, раскрыв рот, и гадаем, что будет нам на праздник – помнишь? Или это я только стояла, раскрыв рот, а ты и тогда уже был выдержанным, разумным мальчиком, к тому же старше меня на два года. Как теперь это смешно: старше на два года, – а тогда так важно казалось.

Знаешь, я была недавно в Столешниковом. Он изменился так, что и не узнать, но дом наш не снесли (там почти всё сейчас посносили), только витрины совсем другие, и трамваев нет, и Рождество у них теперь не всегда со снегом, вот странно, да и никак я не привыкну, что Рождество снова празднуют, но только после нового года, а не до… И так странно быть в этом и не этом городе – присутствовать там, где ничего уже почти не осталось нашего, присутствовать незримо, бестелесно. Не скрипнет снег под твоей ногой, и не купишь ты ничего в этом магазине, да и нечего тебе в нем покупать.

Это ведь одно из мучений, которое выбирают себе некоторые души, по слепоте считая это лучшей долей – скитаться в тех местах, где бывали при жизни, словно можно найти там потерянное время, получить недоданное тепло. Ты не из таких, ты дремлешь. Я не знаю, когда и как ты выбрал это для себя, ты же оказался здесь раньше меня, но знаю, что в этом выборе ты не один.

Странный вы все-таки народ – спящие. Так привыкли мы рассуждать на земле о рае и аде, даже те, кто ни капли не верил в них, вот и думалось нам, что сразу после перехода ты отправляешься либо туда, либо сюда – а оказалось, что еще идти и идти. Либо выращивать это семечко собственной подлинности, чтобы оно могло вытянуться вверх, либо задавливать его, чтобы не мешало опускаться вниз. И только спящие – но я лучше буду говорить «дремлющие» – замыкаются в самих себе, и не видно снаружи, что происходит в этом коконе воспо-

минаний и образов. Знаешь, я видела недавно одного пробудившегося – он был как младенец, не узнавал родных, радостно удивлялся всему и хныкал, если не получалось что-то с первого раза (а тут почти ничего не дается сразу). Потом я узнала, что на земле он был убийцей-изувером, несколько веков назад он унес с собой множество жизней. Ты же слышал про «гари», когда наши предки сжигали себя целыми деревнями, вместе с малыми детьми, чтобы только не оскверниться прикосновением к тому, что считали нечистым? И вот, представляешь, он заснул. Я не знаю, что ему снилось, но проснулся он через три земных века свежим и наивным, сбросил с себя груз прошлого, и может быть, пройдет еще десять веков, прежде чем он сумеет заново с ним познакомиться, ужаснуться себе, былому, и принять себя нового.

К прошлому всем здесь приходится привыкать заново – и тебе, наверное, тоже это предстоит, а мне так точно дается это не сразу. Так странно здесь погружаться в свои воспоминания: они расступаются и охватывают, как вода в пруду, светлеют, проясняются, и вот я уже незримо присутствую при том, что лишь смутно и неверно помнила… Так вот как оно было на самом деле! Я же знала, но забыла. Заставила себя забыть, закрылась, придумала себе всё другое.

Знаешь, я пересмотрела столько всего из детства – нашего с тобой детства! – и это было удивительно прекрасно, но порой и грустно. Прошлое уже прошло, оно никогда не вернется, и ничего уже невозможно ни изменить, ни вычеркнуть. Сначала умиляешься и удивляешься, а потом приходится и покраснеть, и даже ужаснуться и себе, а иной раз и другим: вот это было. Особенно когда я стала возвращаться в то, что было после детства.

И все же многое остается для меня закрытым. Я путешествую по земной жизни осторожно, точнее, меня ведут по ней осторожно – не всегда расступается вода воспоминаний и не всё возвращается с прозрачностью тех дней. Пока что не всё. Может быть, я просто пока не готова, так сказал мне мой Максимыч.

Ты, наверное, поразишься, когда увидишь моего мужа, Мишенька. Ты не думай, он такой же добрый ворчун, каким был и на земле. Представляешь, первое, что я услышала от него, было «Ну и заждался же я тут тебя, Антиповна!» – и та самая детская, внешне строгая, но такая светлая улыбка… Знаешь, когда я увидела эту его улыбку, я сразу поняла, что всё будет очень хорошо, что я возвращаюсь домой, и Максимыч снова со мной.

Это ведь благодаря тебе, Мишенька, мы встретились. Даже странно об этом думать, но если бы тогда не напросилась одна дерзкая гимназистка со своим братом-студентом на гулянье в Татьянин день, так и не увидели бы мы друг друга. Или все равно бы встретились, просто позднее и по-другому? Кто знает, мне иногда кажется, что если близкие люди там, на земле, разъедутся даже по разным континентам, они обязательно притянут друг друга через океаны и времена. Но ты не дал нам разъехаться, Мишка! Помнишь, ты ужасно гордился своей студенческой формой, а я так еще больше гордилась, что мой старший брат – уже студент Университета, и вот вопреки всем традициям я-таки потащилась за тобой в «Эрмитаж» на гулянье, одевшись как взрослая барышня-курсистка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.